

МИР

№2-1924

ПРИКЛЮЧЕНИЙ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД,**

**П.П. СОЙКИНА
СТРЕМЯННАЯ, 12.**

Содержание

	стр.
«ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ». — «ПЛЕННИКИ МАРСА». Фантастический роман Н. Муханова. Иллюстрации М. Мизернюка.	1
«БУДДЫ МА-СЕЙН». Рассказ Френсис Ноульс-Фостер. Иллюстрации художника С. Пишо	47
«БЕГСТВО АНРИ РОШФОРА». Исторический рассказ М. К. Губера. Иллю- страции Michau	61
«СЛУЧАЙ В КИНЕМАТОГРАФЕ». Рассказ А. П. Горш. Иллюстрации М. Я. Мизернюка	83
«РУКА МУМИИ». Рассказ Петра Аландского. Иллюстрации М. М.	101
«КОРКА ОТ МАНДАРИНА» Рассказ-задача. Е. Т.	111

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК. — ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Обложка III—IV

Обложка исполнена художником М. Я. Мизернюком.

От Издательства.

Ряд полученных нами писем свидетельствует, что читателей „Мира Приключений“ заинтересовал научно-фантастический роман Н. Н. Муханова „Пылающие Бездны“. Выражаются даже пожелания, чтобы все произведение не растягивалось на три книжки, а было закончено во второй. Конечно, это технически невозможно.

Наиболее интересны те отклики, где читатели делятся своими недоуменными вопросами по поводу романа. Мы отвечаем на них теперь же, в виду их принципиального значения.

Основная мысль автора, прославляющая весь роман и ярким апофеозом раз-
вертывающаяся в третьей части его—победа человеческого разума над природой для
блага человечества во всем мире, на всех планетах. На Земле уже нет ни государ-
ственных, ни классовых перегородок, все равны в единой Федерации, где высокое
развитие техники позволяет низвести рабочий день до 3 часов в сутки. Борьба с
Космосом, т. е. с совокупностью стихийных сил мировой природы, когда-то порабо-
тивших человека и заставлявших его смиренно склоняться,—заканчивается.

Самоотверженные и скромные служители науки, напрягающие все усилия пре-
творить в жизнь гениальные достижения, используют их вместе с высокоразвитым
населением Федерации Земли на благо культуры, у которой уже нет пасынков. Земля
благоденствует, подчиняясь только Великому Разуму, т. е. человеческой мысли, на-
правленной на всеобщее благо.

Иначе дело обстоит на Марсе, где тайно господствуют потомки древних царских
династий—ларгомерог, не забывшие своих империалистических тенденций. Но все-
побеждающая революция вспыхивает и там, сметает ларгомерогов, и две планеты об'еди-
няются в дружной работе. Война Земли с Марсом—последняя война во Вселенной.

Гениальный юноша Земли, чистый, чуждый всяких личных интересов и стра-
стей, воплотивший в себе всю мощь человеческого разума, не только постигает за-
коны той науки, которую мы называем теперь небесной механикой, но и научается
повелевать ими. Отныне и всякий человек делается полным властелином Вселенной
с ее хаосом и безднами мировых пространств.

Эта последняя победа уничтожает навсегда возможность войн и закрепляет
за человечеством уже достигнутые им социальные блага поистине в мировом масштабе.

ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ.

Пленники Марса.

Фантастический роман Н. Муханова.

Иллюстрации М. Мизернюка.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЛЕЙЯНИТА — УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДОЧКА.

— Когда еще раз замкнется круг мира — мне исполнится 12 лет. Тогда я стану повелительницей пространств и сделаю всех счастливыми. Живые существа не будут больше убивать друг друга. Я изгоню из своих владений зло. Я изгоню из своих владений смерть. Я изгоню из своих владений старость и болезни. Все будут юны и бессмертны. И ты, мой старый дедушка, также будешь юн и бессмертен. Прекрасен юный мир! Дедушка! Дедушка, ты меня не слушаешь? Ты хочешь быть юным и жить вечно?

— Жить вечно? Это забавно. Где же будет этот твой волшебный мир, моя Лейянита, моя Утренняя Звездочка?

— Везде и всюду, мой ласковый дедушка. Там, где будешь ты. Там, где буду я.

— Прекрасно придумано. А что же станет с ларгомерогами? *). Ларгомероги не хотят, чтобы люди жили вечно.

— Ларгомероги!.. Я забыла, что на Марсе существуют ларгомероги... Зачем Вечность создала ларгомеров?..

Юная марсианка задумалась, глаза ее стали печальными. Через минуту девушка радостно встрепенулась:

— Отец Нооме, я придумала! Я попрошу ларгомеров не быть злыми. Они не откажут мне, я знаю. До сих пор никто не отказывал мне в моих просьбах.

— Да, да, Звездочка... Пока тебе никто не в силах отказать. Боюсь, в дальнейшем люди не будут так сговорчивы...

Старик возился у крутящейся в золоте сиянья лопасти какой-то машины, из которой, как нескончаемая нить, тянулся тихий, мелодичный, вибрирующий звук и изредка сверкали ярко-голубые искры.

Лейянита задумалась, склонившись над огромным перламутровым бассейном. Она рассеянно черпала пригоршнями тяжелую алмазно-опаловую влагу и пропускала ее звонко-поющими струйками между пальцев.

Мягкий золотистый полумрак, четкий и прозрачный, почти лишенный теней, с призрачной, как бы дрожащей перспективой, лежал на всем окружающем.

Вырубленные в какой-то искрящейся породе стены огромного подземного зала мягко отливали волшебным фосфорическим блеском. Куполообразный свод еле намечался в вышине. Пол восемью наклонными плоскостями, играя яркой мозаикой, спускался к перламутровому бассейну причудливо-звездообразной формы. Там, где грани плоскостей соприкасались,

*) Ларгомероги — могущественная тайная организация олигархов, перед которой дрожал даже Правящий Совет Федерации Марса.

по широким углублениям, выложенным розовой яшмой, медленно струилась эластичная опаловая влага, с разнотонным журчанием вливаясь в бассейн и создавая задумчиво-напевную нескончаемую мелодию.

Эти медлительные потоки, оседланные кое-где легкими ажурными мостиками, вытекали из широких сводчатых туннелей. Слегка повышаясь и сверкая мягкими радугами льющегося опала, туннели все утончающимися дрожащими веретенами терялись в прозрачной, тающей бесконечности.

Вокруг колоссального бассейна, на восьми плоскостях, разграфленных этими жемчужными потоками, были расбросаны какие-то машины из неизвестного, желтовато-матового металла. Некоторые из них находились в движении, бесшумно поблескивая неуловимо вертящимися прозрачными эллипсоидами.

Девушке надоело рассыпать жемчуга:

— Дедушка Нооме, ты чем занят?

— Делами мира, Лейянита.

— Своего или чужого мира, дедушка?

— Больше чужого, чем своего.

— А я люблю больше свой мир, мир золотого Мооргоса! *) — восторженно проговорила девушка.

— И я люблю больше свой, Звездочка, а занимаюсь предпочтительнее чужим.

— Наш мир, золотой мир Марса, лучше всех миров вселенной! Zeyzo el Zeyzo! Так, отец Нооме?

— Каждому свое. И червяк любит свою норку, — улыбнулся ученый, не отрываясь от машины.

— Я люблю золотистое небо, я люблю опаловую воду, я люблю поющие струи. Я буду купаться, дедушка!

Лейянита в одно мгновение сбросила с себя легкие покровы, сверкнув золотисто-бронзовой наготой статуи в розовых лучах.

— И прекрасно. Это лучше, чем мечтать о несбыточном, моя Звездочка.

Старик внимательно изучал машину. Его согнутая фигура с головой, глубоко ушедшей в плечи, слегка покачивалась взад и вперед. Темное, почти коричневое лицо ученого, все изборожденное морщинами, с вылупившимися огромными глазами, показалось бы в высшей степени уродливым, если бы не светилось изнутри тем светом, который можно назвать светом мысли совершеннейшего интеллектуального существа. Этот внутренний свет придавал лицу ученого выражение непогрешимой мудрости и душевного величия.

Лейянита, на минуту застывшая в позе бронзовой статуи, — возвышенно-совершенная, воздушно-хрупкая, — одним прыжком очутилась в бассейне и закружилась на его упругой поверхности в кругообразном ритме движущихся перламутровых струй.

Статуя колыхалась на поверхности эластичной влаги, любовно раздавленной под ее округлыми формами и мягко льнувшей к точеному бронзовому телу. Плотность воды не позволяла в нее погрузиться. Лейянита, нежась на жемчужной постели, высоко вверх подбрасывала звонкие брызги и весело смеялась под их щекочущим дождем.

— Дедушка! Zeyzo el Zeyzo! Как прекрасен наш мир! Как прекрасен мой мир! Zeyzo! Эоэя!

Внезапно она умолкла, приподнявшись, раздавила упругие струи ногами и, мерно колеблясь, взглянула в самый обширный туннель.

— Отец Нооме! К тебе гости!

Быстро, как ветерок, выпорхнула из бассейна и горопливо начала одеваться.

*) Марса.

Некоторое время влюбленные в прекрасные формы медлительные струи хранили очертания юного тела, потом медленно, как бы с сожалением, сомкнулись и поплыли в своем кругообразном беге.

Старый ученый тоже с сожалением оставил машину, недовольно ворча:

— Кто бы это мог быть? Не люблю, когда меня отрывают от работы.

Показавшаяся в бесконечном туннеле точка быстро увеличивалась, скользя по каналу.

Лейянита кончила одеваться.

— Кто -нибудь из Совета Федерации, — сказала она, потом понизила голос и таинственно закончила: — или от ларгомерогов...

— Судя по форме, это — машина дальнего плавания, — рассуждал сам с собою старик. — Конструкция незнакомая. И цвет странный. Нет, это не наша машина.

— Неприятельская? — живо спросила девушка.

Лейянита выпорхнула из бассейна и вместе с дедом всматривалась в туннель...

— Возможно, моя Звездочка.

— Отец Нооме! — испуганно вырвалось у Лейяниты.

— Я слушаю, Звездочка.

— А что если это... если это... наши враги?

Ученый улыбнулся.

— Наши враги здесь не страшны. Но если ты трусишь, можешь удалиться.

Старик с любопытством всматривался в быстро приближающуюся громаду. Он почувствовал прикосновение руки внучки к своему плечу и обернулся.

— Что тебе, Звездочка?

— Отец Нооме!.. Я... останусь. Можно?

— Звездочке все можно.

Огромная голубоватая сигара вынырнула из туннеля, скользнула по каналу и с легким звоном на двое разрезала жемчужную поверхность бассейна.

«Она такого же цвета, как и Гооройя» — *) подумала Лейянита.

*) Гооройя — Голубая планета. Название Земли у марсиан.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГОСТИ С ГОЛУБОЙ ПЛАНЕТЫ.

Из небольшой гондолы, следовавшей за голубой сигарообразной машиной, вышли трое марсиан с суровыми коричневыми лицами. Плотные облегающие костюмы из эластичной чешуйчатой ткани указывали на их принадлежность к составу межпланетного флота.

Прибывшие приложили правую руку к виску, затем к сердцу и обменялись обычным приветствием:

— Слава до окончания мира великому Ноомеру.

— Слава до окончания миров дорогим гостям.

Тот, у которого с плеча спускался плащ с золотой застежкой, выступил вперед:

— Эта воздушная машина — один из трофеев, захваченных в бою с людьми Гооройи. Машина является замечательным образцом последних научных усовершенствований неприятеля. Военный Совет поручает великому Ноомеру детально исследовать те средства истребления, которыми располагает этот воздушный корабль. Можно предположить, что этот истребитель является типичным для неприятельского флота и обладает свойствами, неизвестными нашей военной технике. Как вероятно уже известно почтенному Ноомеру, наш воздушный флот за истекшие сутки борьбы понес огромные потери.

— Да, мне это известно, — сказал ученый. — К моему глубокому огорчению, потери коснулись не только военных судов...

— Великий Ноомер прав. В распоряжении неприятеля оказались непредвиденные нами средства борьбы. Не будь этого, борьба уже окончилась бы нашей победой.

— И это мне известно, — с грустью сказал ученый.

— Машина внутри осталась неисследованной, во избежание неумелого обращения, — продолжал марсианин в плаще. — Насколько позволяют рассмотреть прозрачные стенки, в машине находится несколько трупов. Смерть, повидимому, последовала от недостатка воздуха. Совет предполагает, что машина принадлежала одному из высших военных начальников неприятеля. Моя миссия окончена. Военный Совет просит гениального Ноомера сообщить ему результаты исследования в возможно короткий срок. Мир великому Ноомеру!

— Мир и победа славным воинам. Прошу передать Военному Совету, что мой ответ не заставит себя ждать.

Воины сели в гондолу и исчезли в одном из туннелей.

Лейянита с детским любопытством издали слушала разговор. Когда гондола исчезла, девушка быстро выступила вперед.

— Отец Ноомер! Эта машина из другого мира?

— Да, Звездочка, из другого.

— С Голубой планеты?

— Да, с Голубой планеты.

— А чем она отличается от наших?

— Это мы сейчас узнаем, Звездочка.

Ученый осмотрел сигару со всех сторон и направил на нее яркий красный луч из небольшого прожектора, соединяющегося с целой цепью аппаратов. Послышался сухой легкий треск, сигара засветилась, ставши почти прозрачной.

— Ты что такое сделал, дедушка? — спросила Лейянита, когда прожектор погас.

— Разрядил гостью, чтобы она не причинила случайно вреда хозяевам. А теперь попробуем нанести ей визит.

Нооме еще раз исследовал корпус санаэрожабля *), нажимая много численные кнопки по одиночке и группами, в различных комбинациях.

Скоро в боку сигары мягко откинулся полукруглый люк с внутренней лесенкой.

— Вход свободен.

Нооме поднялся по ступеням и скрылся внутри машины. Лейянита немедленно последовала за ним.

В ближайшей каюте, в глубоком удобном сиденьи, казалось, дремал бледный старик в фиолетовой шапочке, с большими зелеными окулярами на глазах. На полу, у входа в соседнее помещение, в неестественной позе, выражающей мучительное борение со смертью, полулежал, прислонясь к стене, труп молодого, сильного человека с мертвенно бледным, но и в смерти прекрасным лицом.

Нооме взглянул на безмолвные фигуры и перевел глаза на девушку. Та стояла у входа, приложив руку к груди, сдерживая бьющееся от волнения сердце.

— Дедушка, это враги? — тихо спросила Лейянита, как бы боясь быть кем-то услышанной.

— Это то, что не может быть ни друзьями, ни врагами. Это — прах. Старик прошел в соседнее помещение.

Лейянита с замирающим сердцем всматривалась в распростертого на полу человека с открытым, неподвижным, остекляненным взглядом. Какая-то посторонняя сила приковала ее к этим мертвым, тусклым глазам. Один момент девушке показалось, будто слабый луч жизни мелькнул в зрачках трупа. А может быть это была просто игра света?

Лейянита еще плотнее прижалась к стене, совсем затаив дыхание. Прошло несколько минут и в дверях показался Нооме.

— Там еще трое, — коротко сказал он.

Ученый подошел к трупу старика и, сняв с него окуляры, долго всматривался в сухое пергаментное лицо.

— Дедушка, он мигает! — шопотом сказала девушка, хватая Нооме за складки одежды.

— Кто мигает, Звездочка?

— Он... тот...

— Это тебе показалось, девочка. Это шалость светового луча, — сказал Нооме, осмотрев лежащего на полу.

— Ты их знал, дедушка?

Старик покачал головой.

— Едва-ли я встречал кого-нибудь из них. Впрочем, мы можем познакомиться с ними сейчас...

Нооме снял с мертвого старика фиолетовую шапочку и перстнем своей левой руки нажал у того возвышение на голом черепе.

— Гм... так... да... это любопытно... Лейянита, поди и пришли носилки. Девушка не двигалась.

— Я сказал: поди и пришли носилки, Лейянита.

— Дедушка, они... мертвы?..

— А ты в этом сомневаешься, Звездочка?

Девушка, не отрывая своего взгляда от глаз лежащего на полу трупа, ошупью вышла из каюты.

Нооме, все еще прижимая кольцо к затылку трупа, внимательно исследовал его неподвижный взгляд.

*) Всякая машина безвоздушного пространства.

— Так... так... Последняя мысль на языке азири: «Вечное молчание»... Смерть наступила не внезапно... Постепенное удушение... — бормотал марсианин.

Он быстро нагнулся к лежащему на полу, проделав над ним тот же прием.

— Гм... «Проклятие... Передать»... Что передать? Ну, ну, еще усилие... «Передать... Командование!» — вскрикнул Нооме. — Машина командующего неприятельскими силами! Несомненно. Тогда это... Гени Оро-Моск! А тот?..

— Zeuzo! Да это... мой почтенный коллега и соперник Роне-Оро-Бер! Припоминаю, именно таким я видел его на экране. Зеленые очки и фиолетовая шапочка. Поздно мы познакомились, старина, и при странных обстоятельствах!.. Да... При странных... А может быть?..

Ученый Марса припал ухом к груди гениального ученого Земли.

— Боюсь, что поздно... боюсь, что поздно... — бормотал Нооме, что-то соображая.

Появились два рослых марсианина с носилками.

— Всех в анатомикум. Со всяческими предосторожностями, — приказал Нооме.

Бледная, взволнованная Лейянита показалась в дверях, лишь только прислужники удалились с трупом старика и бросилась к Нооме на шею.

— Дедушка, милый, славный мой дедушка!..

— Что, Утренняя Звездочка моя?

— Я... я хочу, чтобы они... чтобы они... были живы...

Старик провел рукою по ее волосам.

— Ты полагаешь, что все в мире в моей власти, Звездочка?

— Ты все можешь, дедушка! — с мольбой взывала Лейянита.

— Ты можешь больше меня, Звездочка, ибо ты — веришь.

С глубокой любовью Нооме посмотрел в глубокие, как колодезь, бездонные глаза внучки и погладил ее по буйным золотым локонам.

— Иди, Звездочка, по своим делам, не мешай мне исследовать эту машину, — он приложился губами к головке внучки.

Девушка порывисто обняла старика и проговорила:

— Больше я никогда; никогда и ни с чем не буду надоедать милому моему дедушке.

— Иди, иди, там видно будет...

Лейянита, выйдя из голубой машины, опустилась на край бассейна. Двое служителей пронесли мимо нее безмолвный труп с открытыми глазами. Непонятное чувство тупой внутренней боли и глухого непривычного томления охватили ее юное, чистое существо.

— Как мне тяжело!.. Как мне тяжело!.. — с тоскою вырывалось из груди девушки. Крупные жемчужные капли стекали по ее бронзовому личику и смешивались с жемчужною влагою бассейна. Юная марсианка плакала в первый раз в своей счастливой жизни.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПОГРЕБЕННЫЕ В НЕДРАХ ЗЕМЛИ.

Председатель Союза Ларгомерогов медленно приходил в себя. Он никак не мог осмыслить, что же такое случилось? Мысль неровными скачками возобновляла прерванную работу. Как во сне мелькали отрывки сознания. Совет Пяти на Марсе. Решение начать борьбу с Федерацией Земли за культурно-политическую гегемонию в обитаемых точках солнечной системы. Прибытие на Землю в целях разведки. Свидание с сестрой Авирой, — женой началь-

ника междупланетного боевого флота Земли Гени Оро-Моска. Ее колебания в деле шпионажа за мужем. Угроза именем Союза Ларгомерогов, к которому принадлежала и Авира. Сношения с Марсом. Назначение времени нападения на Землю. Последнее заседание на островке Тихого океана. Сталактитовая пещера. Знакомые лица товарищей и сестры Авире. Его доклад собранию...

Дальше мысль бессильно обрывалась и все заволакивалось каким-то туманом.

Смутное, неосознанное приказание поколебленной, ослабшей воли, — раздробленной на куски, истерзанной в клочья, — шевелилось где-то в глубине сознания. Какое-то неопределенное, но властное веление твердило: «Иди... Иди... Исполни... Будет поздно... Собери всю свою волю... Иначе... Иначе...».

Что — «иначе?» Спутанное сознание на это не давало ответа.

Чей-то тягучий, нудный, надоедливый стон, как тупым оружием, пилил по нервам.

Гро Фезера с трудом открыл веки. А может быть и не открыл, а только показалось, что открыл?

Темнота без единого проблеска. В голове от прилива крови стучат молоты. Вот перед глазами поплыли кроваво-красные круги, причудливые арабески, вспышки разноцветных огоньков...

Марсианин страшным усилием собрал свою волю, и приподнялся на локтях. Натянутые нервы мучительно заныли, запротестовали. Жгучая боль в плече заставила снова опуститься. Больно ударился головой обо что-то твердое и острое. Толчок, родивший острую физическую боль, окончательно пробудил сознание.

Поэт, преодолевая боль, приподнялся и ощупал вокруг себя пространство. Какие-то хаотические нагромождения, беспорядочные груды камня... С мучительными усилиями Гро на коленях пополз наугад.

Протяжный, леденящий душу, стон донесся из темноты.

— Кто здесь? — спросил поэт.

Стон повторился.

— Кто здесь? — уже крикнул он громко.

В противоположной стороне послышался другой стон, повидимому, женщины.

Внезапная мысль быстрее луча света пронизала сознание:

— «Взрыв! Погребены в пещере!»..

Сразу понял надоедливое ощущение неотложной необходимости, так мучившее в начале пробуждения:

«Сообщить на Марс — неприятель собирается предупредить нападение!»...

Тысячи мыслей закружились в лихорадочно заработавшем мозгу:

«Как долго находился без сознания? Что случилось с товарищами? Началась ли борьба? Может быть уже кончена? Может быть Земля, на которой он нашел последний приют, лежит в горах пепла?».

— Ах! хотя бы луч света! — с тоской вырвалось у него.

Стоны возобновились где-то совсем близко.

Гро Фезера пополз вперед и наткнулся на кого-то, засыпанного мусором.

Осторожно освидетельствовал нет ли у найденного переломов. Нашупал в кармане его платья несколько вещей. Одна оказалась крошечным радио-фонариком. Страшно обрадовался находке. Мелькнула смутная надежда.

Гро осветил пещеру.

Куда только достигали лучи света, громоздились глыбы и обломки камня. Нависшие местами сталактиты сверкнули радужным отливом.

Вот и стол, где происходило заседание. Его ножки рухнули под тяжестью обломков.

Гро наткнулся на математика Аль-Загроо, своего секретаря. Потер ему виски, привел в чувство. Убедившись, что серьезных повреждений у математика нет, направился к столу и начал разбирать обломки.

Сестра Авира прикрыта тяжелым опрокинувшимся креслом. Поднял ее на руки и перенес на свободное место. Она пришла в себя и открыла глаза.

— Гро? — удивилась она. — И как темно... Что мы здесь делаем?

— Прежде всего, как ты себя чувствуешь, Ави?

— Трудно дышать... И разбита... Впрочем, могу держаться на ногах.

— Здесь не хватает воздуха.

— Что случилось, Гро?

— Мы едва не погибли от взрыва.

— А война?

— Война? Быть может не начиналась, быть может уже кончена... Я не знаю, сколько времени. Хронометры и у меня, и у Аль-Загроо разбиты.

— Зачем ты меня спас! — со слезами воскликнула женщина.

— Успокойся, Ави. Опять за старое? Лучше, если можешь, помоги...

Все трое принялись высвобождать из-под обломков остальных товарищей.

У Аль-Загроо была слегка ушиблена нога.

Эйрейя не приходила в сознание, по виску подруги Гро струилась кровь. Придя в себя, она не могла подняться без посторонней помощи.

Прошло около часа.

Из пятнадцати человек, присутствовавших на заседании, осталось в живых шестеро, — все помешавшиеся в центре стола, — Гро Фезера, Авира Гени-Мар, Аль-Загроо, Эйрейя Тоозе, техник Микорос, совсем не пострадавший и лишь оглушенный взрывом и член военной разведки Марса. Последний в очень тяжелом состоянии, с переломанными ногами и руками.

Остальные девять человек — шесть мужчин и три женщины — помешавшиеся на крыльях стола, были придавлены осевшей породой и их трупы превратились в бесформенные массы.

Двое, — Гро Фезера и Аль-Загроо, — силою взрыва были отброшены в сторону.

Осмотрели местность. Главный вход, где произошел взрыв, был навсегда уничтожен. Сильно пострадала и вся сеть запасных выходов, начинавшаяся вблизи места взрыва. Все они были закупорены осевшими породами.

Все уцелевшие собрались в высеченной в скале комнатке, расположенной выше других, так как нижние галереи медленно заливались водой из какого-то потревоженного подземного источника. Дышать становилось все труднее, в воздухе чувствовалось сбилиное присутствие газов, затрудняющих дыхание.

Гро Фезера сделал попытку добраться до люксографа, помешающегося в стороне, в одной из галлерей. Однако, по пути угрожающе прибывала вода и совершенно нечем было дышать. Боясь потерять сознание, Гро вернулся к остальным.

— Наше положение почти безвыходно. Кажется, мы здесь погребены навсегда, — сказал он.

Все молчали. Только член военной разведки с переломанными ногами, лежа на импровизированном ложе, нудно стонал.

— Каким образом произошло несчастье? — наконец спросила Эйрейя, несмотря на рану, державшаяся героиней.

— Кому-нибудь из наших врагов было известно место наших собраний. Разрушены только выходы из подземелья и зал собраний пострадал

лишь потому, что находился по близости выходов. Это не случайность. Нас, повидимому, шадил и хотели только временно изолировать. Не стоило большого труда совершенно засыпать эти катакомбы, так как разрушения произведены, как я догадываюсь, с помощью известных лучевых сил, действующих на расстоянии. Странная и непонятная предупредительность со стороны врага, — криво усмехнулся председатель ларгомеров.

— Что же нам делать? — спросила Эйрейя.

Гро пожал плечами.

— Немедленно пробиться на воздух. Не задыхаться же здесь! — Энергично предложил Микорос.

Все отправились исследовать вспомогательные выходы.

Когда уже была потеряна всякая надежда, Аль-Загроо в одном из разрушенных туннелей почувствовал свежий приток воздуха.

Все собрались туда, так как дышать становилось все труднее. Решено было расширить проход на-встречу воздушному потоку. После двух-трех часов дружного, нечеловеческого труда, с помощью кое-каких найденных приспособлений, нагромождения камней были устранены и через образовавшееся узкое отверстие все проникли в следующий, мало пострадавший, туннель.

Как женщины, так и мужчины почти падали от усталости. Изуродованный товарищ впал в бессознательное состояние.

Гро Фезера и Микорос, сами совершенно выбившиеся из сил, несли на импровизированных носилках умирающего товарища. Аль-Загроо помогал ослабевшим женщинам.

Потянуло живительной свежестью. Вдали послышался глухой нарастающий гул.

— Море! — радостно закричала Эйрейя.

— Море! — все с надеждой повторили за ней.

Туннель кончился. В вышине, на побледневшей лазури, блеснули две-три звезды.

Миновав скалу, закрывающую вход в подземелье, все вышли на берег. Океан задумчиво ворковал свою вечную песню. Начинался рассвет. Прямо, у края горизонта, на слегка облачном небе, широко и могуче разливалась розолика зоря.

Влево, касаясь одним краем водной громады, заходила огромная, естественно яркая луна, изменившая несколько свои стереотипные черты и как бы подернутая золотисто-дрожащей сеткой. От нее на поверхности моря бежала трепетно-серебристая дорожка, как поясом схваченная посредине.

— Взгляните, что такое с Солентей? *) — воскликнула Эйрейя.

Все быстро повернулись лицом к Луне.

— Война миров началась! — восторженно проговорил Гро Фезера. — Я чувствую начало выполнения нашего грандиозного плана!

— Zeuzo, Zeuzo. Zeuzo! — троекратно повторили остальные.

Все, как сговорившись, скользнули взорами по бледной лазури неба в противоположную сторону.

Высоко над горизонтом зловеще сверкал кроваво-красный глаз далекого Марса.

— Привет тебе, далекая, прекрасная родина! Привет тебе, отец Мооргос! — торжественно, но без аффектации произнесла Эйрейя.

Все в благоговейном молчании опустили на колени, надолго застывши в молитвенной позе.

*) Солентейя — название Луны у марсиан. Буквально значит — односторонняя.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. В БЕЗДНАХ ПРОСТРАНСТВА.

В безднах пространства клокотал ад.

Главная боевая линия между Землей и Марсом клубилась новыми образованиями. Искалеченные боевые суда обеих сторон, как обломки корабле-крушения в океане, бесцельно блуждали в безвоздушном пространстве.

Беспрерывно действующий загадочный закон вселенной заставлял эти крупинки хаоса собираться в компактные массы, притягивать к себе встречные метеориты, всякую мелкую космическую материю и, медленно клубясь, отыскивать общую орбиту для вечного, неуклонного движения по замкнутому пути.

Хаотические нагромождения того, что еще так недавно было результатом работы человеческого мозга и рук, медленно перемещались, беспрерывно меняли свои видимые очертания под падавшими на них лучами солнца.

Эти же лучи, силою своей тяжести, казалось бы крайне ничтожной и недостаточной, все же оказывали некоторое влияние на течение материи в чрезвычайно чуткой ко всякому давлению безвоздушной пустыне.

Человеческий гений разрушения перебросил свою кипучую волю от ставшей ему тесной колыбели в безграничные просторы вселенной. Бездушная материя, некогда рожденная в этих просторах и приспособленная творческим разумом живого существа к своим временным целям, вновь вернулась к своему изначальному генезису.

Существо, рожденное из праха, имя коему — человек, научилось извлекать из страшных бездн пространства активные, жизнедеятельные лучи далеких солнц, конденсировать их в страшную силу, покорную своему гению и обращать то, что дало жизнь и организацию вселенной, к торжеству смерти и разрушения.

Нечто не поддающееся учету, что в атомных дозах на протяжении вечности творит из ничего миры и в них живые существа с мозгом и нервами, — это нечто, будучи сжато воедино им же рожденным мозгом, разрушает эти миллионвековые завершения в неделимую крупину времени.

Борьба двух миров, двух самостоятельных и независимых друг от друга культур, длилась всего лишь несколько часов, а недра бездн были уже взбаломучены и неорганизованный хаос торжествовал.

Враждующие стороны — Земли и Марса — к настоящему моменту находились приблизительно в одинаковых условиях.

Злой гений и вдохновитель марсиан, председатель Союза Ларгомерогов Гро Фезера-Мар, находившийся на Земле в целях разведки, не подавал о себе вести с 17 часов прошлых суток. Последние известия от него были получены за 7 часов до начала столкновения. Военный Совет Марса считал его или погибшим, или вообще изъятым из обращения. Побуждаемые к тому поспешностью неприятеля, марсиане вынуждены были вступить в борьбу при отсутствии своего главного вдохновителя.

Военное командование Земли находилось в несколько лучших условиях. В то время, когда после взрыва в кавказской лаборатории, вызванного неприятелем, собравшиеся на совет начальники боевых сил готовы были примириться с очевидной гибелью главнокомандующего Гени Оро-Моска и начальника технических сил Федерации, гениального ученого Роне Оро-Бера, — оба вождя по подземному радиофону заявили о своей невредимости и настояли на немедленном выступлении, на 4 часа раньше фиксированного на предыдущем собрании срока, т. е., в 24 часа истекающих суток.

Таким образом, борьба для жителей Земли началась в полном контакте со своим верховным командованием.

В короткий срок были достигнуты, если не полная победа, то во всяком случае существенные успехи и очевидный перевес над неприятелем, обещавшие в недалеком будущем обратиться в блестящую победу, — как вдруг неожиданно, в самый разгар борьбы, распоряжения и приказы главнокомандующего, всегда гениально продуманные, совершенно перестали получаться.

Это обстоятельство оставляло простор для самых ужасных предположений, вплоть до гибели флагманского судна главнокомандующего со всеми, кто в нем находился.

Через несколько минут замешательства главнокомандование автоматически перешло к председателю Совета Федерации Омеру Амечи и борьба продолжалась с прежним напряжением.

Однако, это короткое замешательство окрылило марсиан, догадавшихся о смене главнокомандования неприятеля и они удесятирили свою энергию.

В результате, надежды на скорую и окончательную победу над жителями Марса превратились в весьма гадательную и трудно разрешимую проблему.

К тому же неприятель начал применять в широком масштабе некоторые совершенно непредвиденные способы борьбы, которым не было сил противодействовать немедленно, пока не были выяснены их природа и сущность.

Хотя интеллектуальное развитие каждого отдельного индивидуума в Федерации было настолько высоко, что почти совершенно исключало вероятность панической растерянности при каких-бы то ни было неблагоприятных оборотах колеса Фортуны, тем не менее, в некоторых пунктах Земли, наиболее подверженных разрушительному действию неприятельского огня, несколько раз наблюдались явления паники, — впрочем, быстро и умело ликвидированные.

Общественная жизнь планеты во всех ее обыденных проявлениях перенеслась вглубь Земли. Население с глубокой скорбью оплакивало для всех очевидную гибель своего гения — Роне Оро-Бера, будучи глубоко уверенным, что если бы великий ученый был жив, он нашел бы способы противодействовать губительному огню неприятеля.

Никому и в голову не приходило, что где-то там, в глубоких недрах Гималайских гор, некое юное существо, хранитель заветов и тайн великого ученого, выковывает страшное оружие для спасения родной культуры и держит в своих руках не только исход борьбы двух муравейников, но и судьбы многочисленных миров.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ВОСКРЕШЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ.

Колоссальный подземный анатомикум старого Нооме на Марсе. Легкие воздушные галереи, уходящие в высь. Таких террас-галлерей, обрамляющих многогранник зала, всего двенадцать. Вверху, где природные своды сверкают гладко отполированными разноцветными породами камней и металлов, пределы зала далеко раздвинуты вширь. По углам многогранника, из-под самого купола, из обширных отдушин, ниспадают вниз с заглушенным звоном упругие водопады опаловой жидкости. Их перламутровые дуги, описав над галереями параболическую линию и сверкнув в лучах невидимого источника света мягкими разноцветными радугами, погружаются в многогранный бассейн, обрамляющий площадь нижнего зала. Такие же водопады

плавно ползут с галлерей всех этажей, создавая впечатление феерически причудливых каскадов. Ширина окружающего бассейна могла бы поспорить с рекой. Дуги водопадов пробуравили себе в плотной жидкости глубокие своеобразные колодцы и вместо неизбежного при подобных условиях рева воды из недр медлительной влаги лишь глухо доносится музыкальное воркование.

Все галлерей заняты прозрачными призматическими витринами из материала, похожего на стекло, но упругого, ковкого и не ломкого. В витринах скелеты и фигуры ископаемых насельников планеты вплоть от ее младенческих лет и до позднейших времен. Здесь диковинные животные, звери и люди вымерших пород. Здесь же и представители здравствующей расы, просто трупы и трупы людей, находящихся в анабиотическом сне. Последние сохраняются в температуре абсолютного нуля, первые — частью набальзамированы, частью обтекаются непрерывными струйками опаловой влаги. Все экземпляры, кроме человеческих, принадлежат прошлому планеты и давно вымерли.

В этом своеобразном музее — мягкий ласкающий полусвет, ароматная бодрящая прохлада, задумчиво-невинное рокотание опаловых водопадов.

В центре нижнего зала — несколько хрустальных столов; на них, под белыми покрывалами, выступают очертания человеческих фигур. Вокруг много сложных легких машин, аппаратов и приборов. Все из матово-желтого металла, с блестяще-белыми наиболее нежными частями.

У одного из столов, откинув покрывало, застыл в полусклоненной позе повелитель этого мертвого царства — старый Нооме.

На лице ученого следы борьбы. Он пристально всматривается в остеклянные глаза Роне Оро-Бера, ощупывает обнаженную грудь, где когда-то билось сердце и задумчиво шевелит тонкими старческими губами:

«Нужно ли?.. Нужно ли?»..

Лейянита, неподвижная, как изваяние, застыла сзади старика. Ее поза — ожидание, выражение лица — страх, смешанный с надеждой.

— Дедушка!.. Дедушка! — с тихой мольбой шепчут ярко-пурпурные губы.

Но старик не слышит любимой внучки, он углублен в мысли, известные только ему одному:

«Нужно ли?.. Пусть будет так... Во имя единой науки!»..

Старик быстро оборачивается и хватается рукой за блестящий провод аппарата. Его взгляд падает на застывшую неподвижно Лейяниту.

— Звездочка, ты быть может оставишь меня одного?

— Дедушка! — вырывается просящий стон из груди девушки.

Старик решает.

— Пусть будет так! Помоги мне. Подержи этот прибор!

Лейянита уже около, — ее не нужно слишком долго просить. Один блестящий провод у ступни трупа, другой — у его затылка. В руках Нооме что-то острое и тонкое, соединенное с другим аппаратом. Ученый привычным движением погрузил острие в область сердца — короткое, судорожное сокращение мышц, — остеклянные глаза трупа закрылись. Нооме приложился ухом к груди и вонзил острие глубже. Новое сокращение мышц. Несколько раз энергично сжался эластичный шарик на конце зонда под рукой ученого. Грудь трупа высоко поднялась и глубокий протяжный вздох вырвался из мертвенно-бледных губ.

Рука Нооме над эластичным шариком работала все быстрее. Вздохи безвольного тела становились ровнее и спокойнее. Сделав последнее движение шариком, ученый быстро вырвал зонд из груди и прижег рану каким-то тупым орудием. Оживший дышал все ровнее, как человек в глубоком, спокойном сне. Мертвые щеки порозовели, посиневшие губы приняли живую

окраску. Убедившись в правильности восстановленной работы сердца, Нооме крохотным шприцем сделал укол в кисть левой руки.

Можно было наблюдать глазом, как полно забился пульс, как стремительно зациркулировала кровь по набухшим венам.

Старый ученый стоял, слегка склонившись, над спящим человеком и с улыбкой любовался делом рук своих.

— Дедушка!..

Нооме оглянулся. Глаза девушки с мольбой и страхом тянулись к другому столу. Старик улыбнулся, погрозив шутливо внучке пальцем.

— Помни, Звездочка, еще только одного. Только одного!

Он решительно направился к другому столу, не выпуская из рук спасительного зонда.

Последовала операция со всеми подробностями предыдущей.

Когда красивое, молодое лицо Гени Оро-Моска заиграло румянцем, старик с торжествующей улыбкой обернулся к девушке. Та повела глазами по направлению к следующему столу.

Старик энергично затряс головой:

— Нет, нет, нет! Звездочка, я сделал то, чего не должен был делать. Не забывай, что это все же наши враги. Те трое — попадут вон туда! — старик мотнул головой по направлению стеклянных витрин. — Мертвые ожили, но им необходим сон. Советую тебе оставить их в покое. Ты знаешь, где меня найти.

Старик круто повернулся и легко засеменял к одному из водопадов, за опаловой массой которого и скрылся.

Лейянита стояла у второго стола и, затаив дыхание, смотрела в благородное, спокойное лицо спящего.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

З Е Л Е Н Ы Й А Д.

Восток над Тихим океаном розовел все более. Огромная Луна медленно погружалась в волны.

Спасенные собрались на вершине горы, господствующей над небольшим скалистым островком. Кругом, насколько хватал глаз, расстился медленно колеблющийся океан, глухо ворчащий у скал островка.

Неподалеку, защищенный утесами, четко вырисовывался на побледневшем небе конический массив санаэрожабля марсиан.

— Пора в путь, не будем медлить, — сказал Гро Фезера.

Аль Загроо и Микорос подняли носилки и все направились к машине.

— Взгляните, что там такое? — Эйрейя указала туда, где в волнах океана купалась заходящая Луна.

Все невольно остановились и вперили глаза в пространство.

Даже печальная Авира, грудь которой разрывалась от тоски и муки, сбросила с себя гнетущий полусон и вся превратилась в зрение.

Воздух и море полыхали зелеными лучами, падавшими, как струи дождя, почти отвесно. Вот лучи разрослись в сплошные потоки и все вокруг засветилось нестерпимо-ярким, феерически-красивым изумрудным светом.

Небо, океан, заходящая Луна — все вспыхнуло зеленым, пылающим огнем. Прозрачно-смагровая завеса сплошной стеной надвигалась на островок, прогнав с неба розовую зарю.

Грозное дыхание чего-то непредотвратимого, страшного и могучего пронеслось в предутренней прохладе.

Издалека надвигался монотонный, надоедливо-вибрирующий звук, во-бравший в себя все шорохи океана.

Смерчи воды, как гигантские изумрудные спирали, закрутились к далеким небесам.

Островок начинал пылать зеленым пламенем.

Удушливый серный смрад пахнул в позеленевшие лица марсиан. Становилось невыносимо жарко, не хватало воздуха, движения парализовались.

Вибрирующий звук с воем, заглушающим голоса, рванул по слуху.

Гро Фезера глазами смерил расстояние до машины и подземелья.

— Скорее назад, в подземелье! — напрягая всю силу легких, закричал Гро.

Он схватил Авиру, близкую к обмороку, Аль Загроо и Микорос подхватили Эйрейю и все опрометью бросились ко входу в подземелье. Спотыкаясь о камни и ударяясь о выступы скал, беглецы, как во сне, достигли туннеля и углубились туда, откуда они лишь несколько минут тому назад вырвались с таким трудом.

— Заваливайте входы! — кричал председатель ларгомеров, стараясь перекрыть все нарастающий вой.

Загромоздив выход, все пробрались в пещеру, где происходило последнее совещание.

Обе женщины были в обмороке, обессилевшие мужчины опустились на каменные плиты. Зеленый пламень находил доступ и сюда, он проникал во все поры тела, стараясь испепелить, уничтожить его.

— Это наши... лучи «фелуйфа»... Мы погибли! — задыхаясь проговорил Гро Фезера.

Силач Микорос, еще державшийся на ногах, закричал, терзая свою грудь ногтями:

— Они должны прекратить! Необходимо дать знать на Марс о нашем положении!..

— Попробуйте пробраться... боковая галерея... налево третий вход... аппарат люксографа... — с трудом проговорил Фезера. Он сделал отчаянную попытку приподняться, глубоко глотнул отравленного воздуха и без чувств грохнулся на каменный пол.

Микорос, напрягая всю свою колоссальную волю, почти ослепленный зелеными лучами, придерживаясь за стены, ошупью направился по указанному направлению и исчез за поворотом.

На поверхности Земли свирепствовал зеленый ад. Море ревело и клотало, свиваясь в гигантские смарагдовые жгуты смерчей. Скалы дымилась. Вся растительность обратилась в пыль. Вибрирующий вой, как миллионы демонов, неистовствовал над океаном зеленой крови.

Показавшееся над горизонтом солнце казалось ярко-изумрудного цвета и необычайной величины; оно, ослепительно сверкая, увеличивало царящий над Землей зеленый ужас.

Микорос по пояс в воде пробирался по затопленной галерее. Наконец, почти теряя сознание, он поднялся в третью пещеру, куда вода еще не успела проникнуть. Там царил полусвет от непогашенной во время последних переговоров радио-лампы. Микорос, кусая губы и язык, чтобы болью удержать в себе сознание, добрался до люксографа и припал к мембране. Нажал сигнал. Мелодичный, еле уловимый звук сигнала, как целебный бальзам, пронизал все его существо.

О, счастье! О, радость! Люксограф действовал!

«Совету Пяти. Остановите все! Гро Фезера погибает!» — передал Микорос в пространство и, почти теряя сознание, припал к аппарату, стараясь бессознательно быть ближе к приемнику.

Сколько прошло времени — никто не мог бы сказать.

Микорос не лишился чувств, он это смутно сознавал, но он и не бодрствовал, это также было очевидно.

Техник находился в полубессознательном состоянии и почти не дышал. Когда заработал аппарат, Микорос, как будто, проснулся. Он с трудом старался связать звуки, исходящие из приемника. Сквозь нестерпимый звон в ушах в сознание вошло:

«Прекращено... Где находитесь? Дайте подробности немедленно. Борьба в разгаре... Грозит... последствиями»...

Сознание медленно, но неудержимо заволакивалось каким-то сизым туманом. Микорос нашел в себе силы прижаться губами к мембране и скорее подумал, чем отчетливо произнес:

— Не возобновляйте... до новых распоряжений... Погибаем... Zeyzo!..

Мысль застыла и Микорос повалился на пол.

Первым пришел в себя Аль Загроо. Он с трудом восстановил в памяти предшествующие события, вспомнил, что Микорос отправился к люкссографу и зажег фонарик, уже однажды сослуживший им большую службу. Две женщины и Гро Фезера лежали без движения. Отчаявшись вернуть их к сознанию, математик отправился разыскивать Микороса.

Тишина стояла мертвая.

После продолжительного блуждания по пояс в воде, Аль Загроо увидел слабый свет в одном из туннелей. Поднявшись туда, он наткнулся на лежащего навзнич Микороса. Взгляд Аль Загроо упал на стеклянную витрину шкафа, где при слабом свете поблескивали какие-то аппараты и стеклянки. Математик порывлся в шкаф и нашел с десяток приборов для искусственного дыхания. Сделав несколько глотков эссенции, он почувствовал себя бодрее. Быстро привел в сознание Микороса и оба бросились спасать остальных.

Через несколько минут все уже лихорадочно работали, разрывая загроможденный выход из подземелья.

Когда вырвались на воздух, глазам марсиан представилась поразительная картина. Все скалы, как старая бронза, были покрыты густым зеленым налетом. Местами камень осел и как бы расплавился.

На всем острове не осталось ни одной былинки растительности. Там, где дежурила машина марсиан, — зеленела грудка исковерканного, полурасплавленного металла.

На месте позабытых носилок с искалеченным товарищем возвышалась небольшая кучка зеленоватого пепла.

Золотое солнце, яркое и радостное, плыло над слабо дышащим океаном.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

КОГДА ПРОСНЕШЬСЯ НА ДРУГОЙ ПЛАНЕТЕ.

Гени Оро-Моск сладко потянулся и приоткрыл глаза. Необыкновенно легкое, свежее-приятное состояние всего существа заставило его быстро подняться с жесткого ложа. В золотом полусвете глаза Гени встретились с огромными, бездонными, немигающими глазами какого-то сказочного существа, — полу-феи, полу-женщины.

«Статуя!» — мелькнуло в голове в первый момент.

Не в силах оторвать взгляда от загадочного существа, житель Земли застыл в неестественном, полусидячем положении.

— «Неужели я еще сплю?» — подумал Гени.

Он с удивлением огляделся вокруг. Все так необычайно, не похоже на то, что взгляд привык встречать каждый день.

«Что за странная обстановка?».

Взгляд упал на прозрачный операционный стол.

— Учитель! — вырвалось у Гени.

Он быстрым движением соскочил на пол и бросился к ложу ученого.

— Нельзя.

Бронзовая статуя передвинулась, очутившись между ним и ученым. Бронзовая статуя говорит на языке марсиан!

— Нельзя тревожить. Почтенному старцу необходим отдых.

— Кто ты, прелестное виденье?

— Я — виденье? — девушка покачала головой. — Я Лейянита. Я не виденье, а живое существо. В ваших глазах, незнакомец, я вижу изумление. Вот моя рука, она из плоти и крови.

Гени невольно протянул свою руку и дотронулся до тонких, точеных пальчиков девочки.

— Я — Лейянита, внучка Ноомер. Вы знаете Ноомер? Его знает весь мир. А вы... вы не марсианин? Это я вижу по вашим чертам. Но вы знаете наш язык. Я тоже знаю несколько языков Марса, новых и древних. А также знаю международный язык азире. Как ваше имя?

— Гени.

Оро-Моск, совершенно не замечая этого, держал руку девушки в своей руке.

— А этот почтенный старец, вероятно, ваш дедушка?

— Нет, это мой дорогой учитель.

Гени опомнился, наконец, с тревогой огляделся вокруг, заметил опаловые водопады и понял, что они находятся на Марсе, в плену у своих врагов.

В памяти сразу встала жуткая картина, как они задыхались в санаэро-жабле.

Не обращая больше внимания на изумленную девушку, Гени бросился к ученому и принялся его тормозить.

— Учитель! Учитель!

Ученый открыл глаза и взглянул на Гени.

— Что случилось, дитя мое?

— Учитель, оглянитесь вокруг...

Старик приподнял голову и сейчас же с легкостью юноши вскочил на ноги.

— Где мы?

Гени, заговоривший было на азире, перешел на свой конспиративный язык, известный весьма немногим.

— На Марсе. И несомненно в плену. Будьте осторожны, дорогой учитель, здесь есть посторонние. Эта девушка знает язык азире, она внучка знаменитого Ноомера...

— Ноомер! — обрадовался Роне. — Но где же он? Я уже думал, что окончу свои дни, не познакомившись с этим величайшим светочем мировой науки.

— Но мы в плену, учитель. Борьба миров...

— Борьба миров затеяна не мною и не Ноомером и окончится без нас, — легкомысленно перебил старик.

— Совершенно верно, великий Роне Оро-Бер, — раздалось за их спиной.

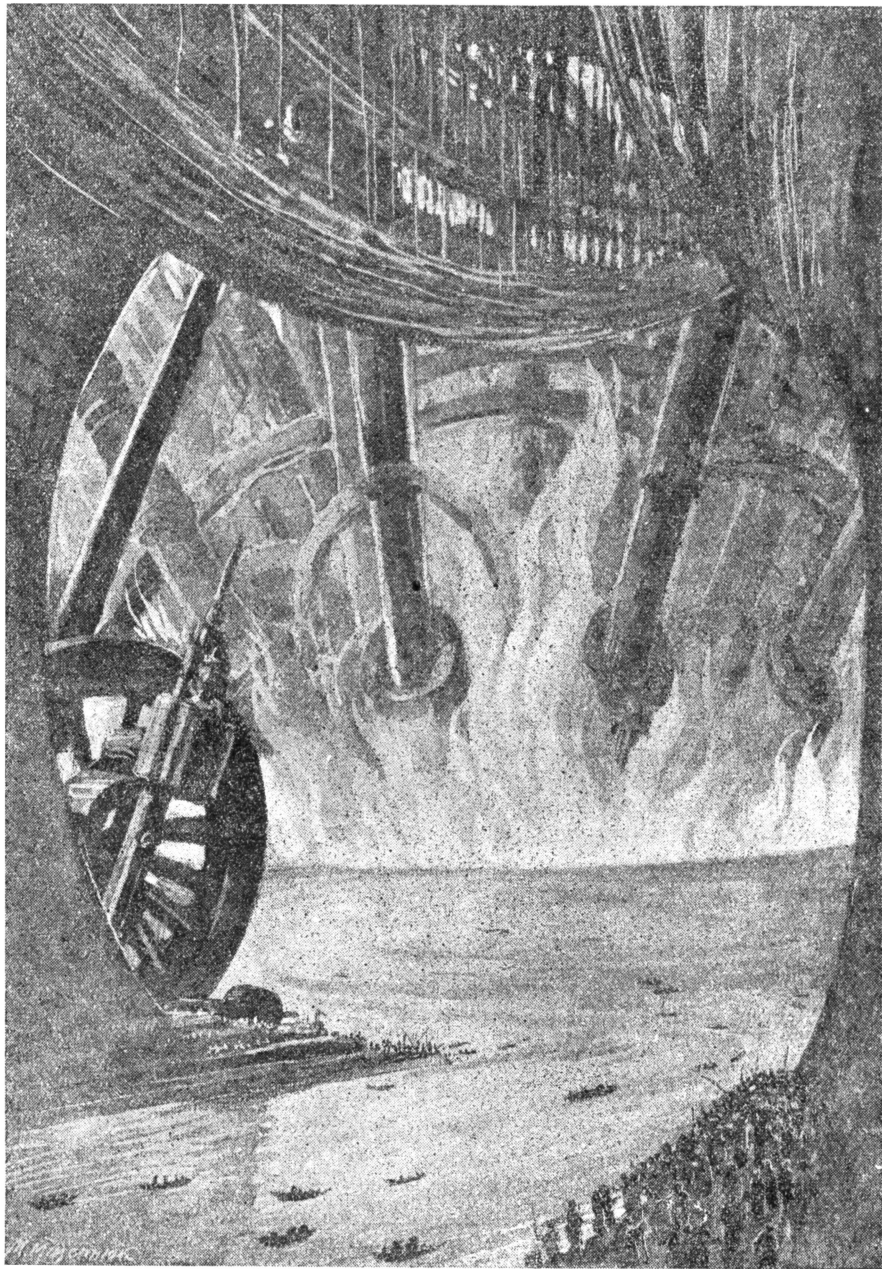
Жители Земли быстро обернулись. В двух шагах за ними стоял Ноомер и, слегка сгорбившись, с улыбкой смотрел на своих гостей.

— Мир до конца дней великому Ноомеру!

— Мир до конца дней гениальному собрату!

Ученые-враги двинулись навстречу и любовно положили друг другу руки на плечи.

— Война — преходяща, а благо человечества — вечно. Вы правы, уважаемый коллега, — ласково говорил Нооме, кивая головой.

Сердце Марса.

После короткого молчания Роне сказал:

— Вы меня несколько удивили, мой ученый собрат. Я полагал...

— Что ваш конспиративный язык неизвестен на Марсе? — договорил Нооме. — Под солнцем не существует ничего тайного, что не было бы известно другим, мой ученый друг.

— К несчастью, или, вернее, к счастью, вы правы, коллега.

Роне с некоторым беспокойством оглядывался вокруг. Ноомере понял его состояние.

— Я не беру никаких обещаний ни с вас, мой почтенный собрат, ни с вашего молодого друга. Но борьба еще не кончена и вы пока... пленники. Нет, нет! Не мои! Вы — пленники Марса.

— Я с большим трудом уясняю себе, — осторожно начал Роне, — каким образом мы здесь очутились?

— Самым простым и обычным. Мне доставили вашу машину, считая находившихся в ней — мертвыми. Вы и были... почти ими. Однако, с помощью небольшого умения, данного нам наукой... К сожалению, я не мог сделать для остальных ваших спутников того же, что мне посчастливилось сделать для вас, Роне Оро-Бер, и для вашего друга... Гени Оро-Моска, если не ошибаюсь? Рад познакомиться. Итак, пока вы — пленники Марса и у меня в гостях. Буду чрезвычайно рад, если вы эти несколько дней будете чувствовать себя здесь, как дома.

— Поверьте, великий Ноомере, что чувство признательности не позволит нам... причинить хотя бы косвенно какие-либо огорчения нашему спасителю.

— Я повторяю, вы мои гости и можете располагать собою как вам... удобнее. Лейянита, проводи меня, моя Звездочка.

Лейянита отвела взгляд от Гени и, как в тумане, двинулась за стариком.

Тот на момент остановился и добавил в виде поощрения:

— О вашем пребывании здесь никто не подозревает. По крайней мере в таком... бодрствующем состоянии.

Гени провожал глазами удаляющуюся девушку.

— Что вы на это скажете, сын мой?

Гени не отвечал и не менял положения.

— Ваши мысли, как кажется, витают далеко... Не на Земле ли? — иронически заметил ученый. — Скажите, дитя, что вы думаете обо всем этом?

Гени сжал виски руками:

— О, силы Космоса! А борьба продолжается! И быть может...

— Да, быть может... — тихо повторил старик.

— Во всяком случае, мы не лишены свободы передвижения и... действий, — решительно потрянул головой Гени.

— Только возьмите инициативу на себя, дитя мое. Мне не хотелось бы огорчать старика и быть неблагодарным... по своей инициативе.

Пленники, осмотрев подробно анатомикум, случайно наткнулись на зал с звездообразным бассейном.

— Наша машина! — обрадовался Гени.

Он скрылся в люке и через минуту вернулся обратно.

— Все аппараты разряжены, — сказал Гени. — Машина превращена в негодный хлам.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

В СЕРДЦЕ МАРСА.

Детально ознакомившись с характером зала и с системой выходов, пленники углубились в широкий, плохо освещенный туннель.

По середине туннеля, оставляя по краям дорожки для пешеходного сообщения, медленно катился опаловый поток.

— Любопытные сооружения, — рассуждал Роне. — Я бывал несколько

раз на поверхности Марса, заглядывал даже в некоторые подземные кварталы, но так далеко ни разу еще не удавалось проникнуть. Здесь совершенно другой мир.

— Насколько мне известно, доступ не-марсианам сюда воспрещен, — заметил Гени. — Мне также не приходилось бывать так глубоко в недрах планеты.

— Из этого можно заключить, что мы мало предприимчивы. Марсиане знают нашу Землю лучше нас самих.

Дважды мимо их по глади канала мелькнули небольшие гондолы, с сидящими в них человеческими фигурами. Все они были закутаны в широкие коричневые робы с капюшонами.

Это навело Гени на счастливую мысль.

При осмотре анатомикума он заметил в витринах точно такие же плащи.

Попросив ученого не углубляться далеко, Гени поспешно вернулся в анатомикум и через минуту возвратился с двумя коричневыми одеяниями.

— Примем эту маленькую предосторожность, учитель.

— Да, это будет не лишнее, — согласился Оро-Бер.

Набросив на себя робы, они продолжали углубляться в туннель, становившийся более широким и покатым.

В одном месте, в своеобразном заливчике, чернело несколько небольших двухместных гондол. Гени осмотрел одну из них, быстро освоился с механизмом управления и предложил ученому прокатиться.

Гондола медленно поплыла по опаловой глади, отсвечивающей нежными красками перламутра.

Чем дальше — уклон потока становился круче. Они не торопясь миновали несколько каменных зал. Все чаще попадались коричневые фигуры, занятые своими делами и не обращавшие внимания на двух путешественников.

Гени, которого несколько утомлял царивший всюду полумрак, отбросил с головы капюшон и сейчас же почувствовал резкий, неприятный звон в ушах.

Он быстро накинул капюшон снова на голову. Звон в ушах прекратился.

— Учитель, попробуйте сбросить ваш капюшон.

Роне с некоторым удивлением повиновался.

— Фу, какое неприятное состояние... Мне, кажется, дурно...

Гени поспешно покрыл голову ученого. Тот с удивлением дотронулся до руки Гени.

— Какой изумительный фокус! — сказал он, — теперь я понимаю, почему они все в плащах. Чем объяснить это явление?

Поток, по которому они плыли, принимая в себя десятки притоков, становился широкой, крутой, но медлительно-спокойной рекой. Гондолы попадались все чаще.

В слабо освещенных бесчисленных галлереях «по берегам» копошились тысячи закутанных фигур.

Туннель становился не только шире, но и выше. Над головой протянулись, слабо поблескивая колеблющимися золотыми нитями, бесчисленные провода, образуя густую, причудливо переплетенную сеть.

Поток плавно влился в широкое озеро, с ясно очерченными, как бы светящимися берегами вдали.

— Да здесь целое подземное море! — с восторгом вскричал Гени.

Он поднял глаза вверх и застыл в молчаливом изумлении.

Над головой, в недостижимой выси, раскинулся слабо светящийся ги-

гантский купол, с несколькими ярко-желтыми конусообразными иллюминаторами.

При более пристальном осмотре, конусы оказались правильными цилиндрами, сужающимися по мере удаления, в силу закона перспективы. В иллюминаторы были вставлены колоссальные линзы.

— Теперь я понял назначение капюшона! — сказал ученый. — Мы находимся на большой глубине. Эта ткань обладает способностью уменьшать, если не совершенно уничтожать, давление.

Гени давно уже всматривался в сверкающие по опаловому морю светлые, слегка дрожащие точки.

— Учитель, что это за отражения?

Роне внимательно посмотрел на поверхность озера, затем поднял глаза вверх.

— Звезды, мой друг, самые настоящие звезды! Сейчас на поверхности Марса ночь и это колоссальное зеркало услужливо отражает их красоту. Быть может и наша милая старушка-Земля, подрумяненная розоватым воздухом Марса, кокетливо мигает нам, своим старым знакомым, в этом опаловом зеркале.

При упоминании о Земле сердце Гени болезненно сжалось.

— Мы должны снестись с Землей, учитель, чего бы это нам ни стоило, — сказал он.

— И я того же мнения, дитя мое. Необходимо поискать каких-нибудь средств сообщения. Вы по дороге ничего не заметили такого, что сослужило бы нам службу?

Гени отрицательно покачал головой.

— Жаль я не спросил у старика Ноома, что он собирается делать с моими окулярами, — сказал Роне, — я без них, как без глаз.

Откуда-то издали давно уже доносился глухой монотонный шум, похожий на непрерывный гул отдаленного грома.

По мере движения гондолы вперед, гул становился все настойчивее.

— Что бы это могло значить?.. Уж если осматривать, так до конца, — сказал Роне.

Обгоняя десятки гондол, сновавших по всем направлениям, пленники направились в противоположный конец озера, где зияло полукруглое лучистое отверстие, похожее на погружающееся в море гигантское черное солнце.

Подойдя к этому отверстию, оказавшемуся колоссальным туннелем, гондола шмыгнула в полумрак, на-встречу нарастающему гулу.

Гондола неслась с головокружительной быстротой по сильно наклонной водной плоскости.

Гул быстро нарастал, переходя в нестерпимый рев.

Сгорая от любопытства, путешественники, очертя голову, неслись вперед.

Неожиданно гондола остановилась, закружившись на одном месте в облаках опалово-бледной пыли.

Бешеный рев поглощал все звуки. От его действия на барабанные перепонки начинала мучительно болеть голова.

Ученый машинально зажал уши руками и нащупал в капюшоне какие-то эластичные придатки, вроде флаконных пробок. В надежде уберечь себя от нестерпимого шума, Роне ввел эти пробки в уши и с облегчением вздохнул. Он быстро проделал тоже самое с Гени. Шум почти умолк, превратившись в приятное, убаюкивающее воркование водных масс.

— Предусмотрительно! — вырвалось у Гени.

— Так просто и вместе с тем гениально, — без всякого напряжения голоса говорил ученый. — Как еще мало мы знаем наших соседей и... врагов, — закончил он.

— Прекрасная культура! — похвалил Гени.

Ученый лихорадочно рылся в складках своего плаща.

— Я так и знал. Это логически необходимо, — бормотал он, водружая на переносицу прибор, отдаленно напоминающий его привычные окуляры.

Гени сделал то же самое. Неожиданно все стало видно, как на ладони.

В силу какого-то постороннего, отталкивающего влияния, гондола вертелась у самого обрыва водной пропасти.

Десятки рек, подобных той, по которой они приплыли, со всех сторон низвергались в бездну, поднимая молочную пыль и образуя далеко внизу кипящий белой пеной гигантский котел, — источник того нестерпимого рева, который теперь был еле слышен.

В центре гигантского котла методически двигались, как сказочные чудовища, черные блестящие колоссы — рычаги, насосы, турбины, поршни, змеи цепей, — все грандиозных, умоподавляющих размеров.

— Так вот они те сверхъестественные двигатели, о которых я так много слышал! — почти с благоговением проговорил Роне. — Знаете ли вы, мое дитя, где мы находимся? Это — сердце Марса. Эти титаны гонят опаловую воду по подземным туннелям обратно к двум полюсным океанам. Оттуда она, гонимая силой напора по бесчисленным каналам, обтекает всю планету вплоть до экватора, где и проваливается в эту бездну, чтобы своим падением привести в движение гигантское стальное сердце планеты. Никакой иной энергии, кроме энергии этой водной массы! Надо полагать, таких авто-двигателей в недрах планеты не один десяток. Гениально и так просто! Поняли ли вы основной принцип этого сверхчеловеческого сооружения? Он чрезвычайно прост, как и все истинно-гениальное. Он подсказан самой природой. Это ничто иное, как система кровообращения любого сложного живого организма!

А теперь — на поверхность! Ближе к нашей дорогой Земле. Да осмотрите-ка получше складки похищенного вами платья, нет ли там еще каких-нибудь сюрпризов. Эти марсиане — удивительно предусмотрительный народ!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ТОТ, В ЧЬИХ РУКАХ СУДЬБЫ МИРОВ.

Атаки марсиан на Землю неожиданно прекратились.

Военное командование Земли недоумевало, не зная, чему это приписать.

Борьба в безднах пространства и вокруг планеты еще продолжалась, несколько ослабевшая в своей интенсивности.

Не прекращались также и атаки на Луну. Спутник Земли жил новой, странной, непривычной для него жизнью.

Таяние льдов продолжалось. Атмосфера, в избытке насыщенная электричеством, местами отравленная зелеными лучами фелуйфа, все сгущалась, сея бури и бесперывные грозы по лицу ожившей планеты.

Колоссальные массы воды, стекая с гор бурными, бушующими потоками, собирались в складках и впадинах цирков, с ревом прорывали естественные плотины, пролагали новые русла и многоводными реками устремились в низины, сталкиваясь по пути с встречными потоками и образуя бешеные водовороты.

Из лунных поселений не было никаких известий.

На военном совете Земли было решено ценою какого угодно риска

выяснить состояние лунных городов и удесятерить силы, охраняющие подступы к планете.

Появились признаки, указующие на то, что Луна, как можно заключить, под влиянием колоссальных масс энергии, исходящих с Марса, стремится порвать миллионвековые цепи и выйти из подчинения Земле, приобретя собственное вращательное движение.

Если это осуществилось бы, в пространстве между Землей и Марсом появилась бы новая независимая планета, — вечное яблоко раздора между двумя соседями.

От Роне Оро-Бера и Гени Оро-Моска не было никаких известий. Обоих вождей все считали погибшими, — все, за исключением одного человека.

В недрах Гималайских гор шла неустанная работа, непрерывно выковывалось новое оружие борьбы.

Десятки самоотверженных ученых, совершенно порвавших с миром и отдавшихся исключительно науке, почти никогда не показывавшихся на поверхности Земли, самые имена которых не были известны никому, — день и ночь производили опыты с новыми элементами, под руководством юного гениального существа.

Кэну Роне было 22 года. Он обладал гениальной наследственностью и отлично развитым мозгом, с раннего детства культивировавшимся для известных целей.

Это было особенное существо, воплощенная идея служения Верховному Разуму, для которого вне этой идеи ничего не существовало.

С пятилетнего возраста рабочий день Кэна состоял из 24-х часов в сутки. Несмотря на непрерывающийся умственный труд, Кэн вырос сильным и крепким физически, божественно-возвышенным духовно.

В пять лет гениальному ребенку были открыты все тайны природы. В семилетнем возрасте он поражал отца сверхъестественным даром проникновения в суть вещей, поражающей способностью к широчайшим, телескопическим обобщениям, железною, непогрешимую логикой и еще чем-то, чему нет и не было определения на языке людей, но что можно назвать кровным родством с Космосом, слиянностью со всем сущим.

Никто не знал, откуда появился этот чудо-ребенок.

Немногие подозревали в нем сына гениального Роне Оро-Бера и мало кому приходило в голову проявлять свое любопытство в этом направлении.

Заметив черты гениальности в дитяти, его великий отец решил произвести смелый эксперимент и создать сверх-человека. Он окрылил ум ребенка, направив его по пути, по которому не шел еще никто и никогда. Этот путь для любого ординарного существа оказался бы гибельным. Мозг ребенка развивался методически, планомерно, неуклонно. Умело углублялись врожденные извилины и отчетливо пролагались новые.

Ни одно понятие старого порядка не вошло в сознание мальчика. Этих понятий для него не существовало, как если бы их не существовало совершенно ни в одном человеческом обществе. Ничего преднамеренного, никакой преемственности, а следовательно никаких ложных отправных точек, приводящих ум человеческий в лабиринт заблуждений.

Мальчику предоставлялось самостоятельно определить свое положение в мире, свое отношение к окружающему, выработать, — именно — выработать, — то, что обычно называется душою, создать такое «я», которое являлось бы самодовлеющим миром, впитавшим в себя всю многогранность вселенной, органически слившимся с нею.

Все наследственные определения идей, чувств, понятий, представлений, причин и следствий, душевных эмоций, целей и назначения живого существа руководителем мальчика были преданы забвению и выковывались заново самим ребенком.

Ему давался лишь толчек, голая схема, канва, по которой вышивались новые, еще невиданные узоры.

К десяти годам ребенок охватил без труда и напряжения всю грандиозность творения, вошел душою в мир и мир вошел в него.

Роне Оро-Бер торжествовал. Homo sapiens, сверх-человек — был создан, он вошел в мир.

К 15 годам обычные масштабы для Кэна не существовали. Понятие отдельного мира, Земли, солнечной системы — он заменил понятием Космоса, для него не было человека — было человечество, не существовало чьей-то воли, или чьих-то воль — существовала всемирная энергия, не было ни начала, ни конца, ни времени, ни пространства — была всеобъемлемость, многоликость Единого Сущего, был единый непрерывно длящийся миг.

В течение последних семи лет для юноши стали ясны цели и задачи Космоса, были разгаданы все тайны мироздания, все, за исключением одной маленькой недоговоренности, — было несколько туманно — что послужило началом всех начал в изначальном брожении хаоса?

К решению этой последней маленькой задачи и были направлены все усилия мозга гениального юноши.

Загадка бытия казалась уже почти разрешенной, как вдруг столкновение с марсианами отклонило мысль с широкой дороги космогонических обобщений на узкий путь местных, «домашних» интересов, подсказанных текущим моментом.

Кэн, потеряв сообщение с отцом, не придавал этому большого значения. Его изумительная интуиция подсказывала ему, что Роне Оро-Бер жив, существует и Кэн мог бы даже указать направление, в котором следует искать ученого, если бы в этом встретилась необходимость.

На борьбу с Марсом юноша смотрел, как на необходимое развлечение, вызванное потребностью совокупной человеческой нервной системы в легкой встряске, в интересах мирового «массажа», и знал, что это несколько жестокое развлечение, — как и всякие развлечения вообще, — может быть прекращено в тот момент, когда этого потребуют более серьезные задачи жизни.

Общего мнения своих «соотечественников» о неизбежности этой войны, якобы в целях охранения своей культуры, Кэн не разделял. Он был глубоко убежден, что ни двух, ни трех, ни вообще нескольких культур нет и быть не может, а существует лишь одна культура — культура мирового, Космического Разума.

Сейчас Кэн находился в своей рабочей комнате, — лаборатории и обсерватории вместе, — недалеко от поверхности Земли.

Он только-что блестяще проверил опыт, применение которого в большом масштабе обещало изменить соотношение планет системы, их взаимную зависимость друг от друга и от общего центра — Солнца.

Благодаря открытию нового вида энергии, названной Кэном — «энергией произвольного движения», являлось возможным, независимо от состояния, по желанию, ускорять, замедлять и вовсе останавливать бег светил, а также втягивать с сферу влияния своей системы новые миры и отталкивать в пространство тех членов системы, которые почему-либо стали опасными или просто нежелательными.

Кэн поделился своим достижением со старым другом отца, ученым космологом Эре Обрайном, работающим по соседству и давно порвавшим всякое сношение с «внешним» миром. Приглашенный присутствовать при опыте, старик Обрайн с захватывающим интересом следил за грандиозным теллурием *).

*) Прибор для наглядного представления движения планет.

В колоссальном прозрачном шаре из металлизированного хрусталя, где не содержалось ни одного атома воздуха, плавали с различной скоростью и по всевозможным эклиптикам сферические тела различных величин.

В центре этой прозрачной сферы помещался небольшой шарик, заключающий в себе неиссякаемый источник энергии небулия.

Плавающие внутри тела самостоятельно отыскивали свои пути и двигались вокруг общего центра по неким замкнутым кривым.

Кэн и Эре, поместившись на галлерее против теллурия, наблюдали за опытом. Перед Кэном стоял ряд небольших аппаратов, которыми он управлял при помощи кнопочных регуляторов.

— Лучи эти невидимы, метр Эре, — объяснял Кэн. — Строго говоря, это даже не лучи, это — нечто способное утилизировать ту энергию произвольного движения тел в пространстве, которая бесцельно пропадает в безвоздушных безднах. Случайно мне явилась счастливая мысль, что раз существует инерция, следовательно, существует и энергия инерции. Если основная мысль правильна, остальное приходит само собой. Собрать эту энергию воедино являлось уже делом нетрудным, и я построил для этой цели сначала ряд аппаратов в скромном размере, а затем и в большом, космическом масштабе.

Юноша мягко улыбнулся и продолжал:

— Миры мы оставим в покое, пока не пришло их время, а займемся в настоящую минуту вот этими их подобиями.

Кэн указал на хрустальный шар.

— Извольте любоваться, как «планетки» запляшут от влияния на них невидимой и даже неосоздаваемой силы, — неосоздаваемой, по крайней мере, нашими грубо воспринимающими центрами.

Кэн нажал рычаг.

Давно налаженное движение тел в хрустальном шаре мгновенно потеряло свою закономерность. Планетки запрыгали по различным направлениям, перегоняя одна другую и сталкиваясь друг с другом.

— Это, так сказать, массовая паника, — продолжал Кэн, — но можно и по выбору. Возьмем вот этого удаленного от центра «колосса» — Вулкана. Вот он полетел с едва уловимой быстротой. Вот замедлил ход. Вот остановился неподвижно. А вот — Марс, миниатюрная копия нашего «соперника». Он движется с относительной скоростью оригинала и в той же плоскости эклиптики. Сначала изменим его эклиптику. Вы наблюдаете, метр Эре?

— Да, мой друг. И признаться — я поражен... — проговорил старый ученый, впившийся глазами в теллурий.

— Самая простая и естественная вещь. Не будем только забывать, что на «планетки» действует энергия их собственного движения, в моем же аппарате заключена лишь утилизирующая воля. Теперь замедлим движение Марса по его орбите. Ускорим это движение. Изменим наклон оси. Остановим его вращательное движение. Повернем в обратную сторону. Совершенно пригвоздим планетку к «небесному своду». Если оставить эту копию Марса в таком неподвижном положении, то, под влиянием излучающей энергии центра, как вам известно, начнется распад материи и через некоторое время шарик перестанет существовать. Все, что я только-что продемонстрировал в этом игрушечном «космосе», можно проделать и в большом масштабе, с настоящими планетами. Любое из этих действий — ускорение, замедление, а тем более остановка планеты, разумеется, грозит смертью всему там существующему. Впрочем, я не собираюсь применять свое открытие в таких неблагоприятных целях. Хотелось бы только слегка, безобидно, пострашать неугомонных марсиан, — весело закончил юноша.

Кэн нажал рычаг. Массовая паника началась среди планет...

Старый ученый застыл неподвижно, — бледный, с широко раскрытыми глазами.

— Что же вы ничего не скажете, метр Эре? Ваше мнение для меня не безразлично.

— Дитя мое... Дорогое наше дитя! Я не нахожу слов... Уяснили ли вы себе всю колоссальность вашего гениальнейшего, сверхчеловеческого открытия? Поняли ли те последствия, которые могут проистечь отсюда для всего сущего в безднах? — воскликнул ученый, с трудом преодолевая волнение.

— Прекрасно уяснил и вполне понимаю, — с улыбкой ответил Кэн. — С этим открытием я провижу переворот, равный уничтожению всех старых понятий и представлений, аннулирование всех произведенных до этого момента человеческим мозгом ценностей. Я уже не касаюсь той области человеческого безумия, которая именуется войной. Связать вместе войну и наше открытие мой мозг не решается...

Кэн как будто задумался.

— Вы правы, метр Эре. Я, разумеется, еще продумаю, насколько мои изыскания ценны для задач Верховного Разума, а то ведь нетрудно и...

Ученый, задыхаясь, вскочил и быстро выкрикнул:

— Нет, нет! Не делайте этого, божественный мальчик!..

— Отчего? Разве я не свободен в своих поступках? У меня свой мир и свои цели.

Кэн на мгновение нахмурил свой высокий лоб, но сейчас же его одухотворенное лицо осветилось свойственной ему чарующей улыбкой.

— Пройдемте-ка лучше, метр Эре, к настоящему, не игрушечному «теллурию» и подумаем вместе, нельзя ли бросить марсианам какое-нибудь безобидное, но многозначительное предостережение, в целях заставить их отказаться от своих воинственных планов.

Юноша взял старика под руку и они перешли в смежный зал. Кэн поместился перед колоссальным рефрактором, конец которого терялся в вышине.

— Что же мы предпримем, метр Эре, в наших пацифистских целях? Замедлим или ускорим слегка движение «врага»? Изменим его орбиту? Или

заставим планету вертеться со скоростью волчка? Мы, разумеется, постараемся учесть возможность пагубных последствий нашего опыта, но показать неприятелю его зависимость от нас необходимо. Мы сделаем вот что...

Юноша положил руку на рычаг. В этот момент раздался мелодичный сигнал люксографа по близости от Кэна. Юноша оставил свое намерение невыполненным и быстро направился к приемнику.

— А! Вот он, сигнал от дорогого отца! Я его ждал несколько часов и с каким нетерпением!

Кэн нажал кнопку. Зал погрузился в полную темноту. Только огромный экран сверкал своей жемчужной белизной.

«Кэну Роне» — послышался условный шифр.

Юноша узнал голос отца и ответил:

«Кэн Роне слушает, дорогой отец».

Небольшая пауза. Люксограф снова заработал.

«Да хранит тебя Верховный Разум, мое дитя! Мы на Марсе... Передай в Совет... Щадите пока наше существование, если считаете это полезным в общих целях. И существование некоторых из наших «врагов», оказавших нам более чем дружеские услуги... Как твое самочувствие, мой мальчик?».

Кэн ответил:

— «Я знал, что вы невредимы, мой дорогой отец. Я видел вас очами души. У нас — невольное перемирие. Неприятель неожиданно прекратил свои атаки на Землю. Вместе с этим прекратились и маленькие неприятности, которые испытывали мы от разных ухищрений противника. Зато малютка Луна бьется в смертельной лихорадке, обливаясь испариной. Надеюсь эта встряска обновит ее одряхлевший организм. Не могу не поделиться своей эгоистической радостью. Поздравьте меня, отец. Небольшое открытие, при умелом применении могущее иметь большие результаты. Метр Эре сулит ему громкую будущность. Более конкретно — войне в любой момент может наступить конец. По желанию — и неприятелю со всем его миром. Разумеется, до этого никогда не дойдет. Жажду обнять моего дорогого старика».

Новая пауза. Торжествующий голос в аппарате:

— Слава Демиургу! Слава моему мальчику! Наведи экран на точку 173° п. к. в. 00.11° а.з».

Кэн лихорадочно выполнил просьбу отца.

Через минуту на экране обрисовалось темное пятно, постепенно заполнившее весь экран. Вот из туманной мглы выступили полосы чего-то текучего, подвижного, с более темной ажурной закраиной. Скоро стало ясно, что светлые полосы — перламутровая влага каналов. Силуэт какого-то здания фантастического стиля. Возле на террасе ясно и отчетливо выступили три человеческих фигуры, закутанные в коричневые плащи. В одной из них Кэн узнал отца, в другой — Гени Оро-Моска, но третья? Кому принадлежала третья?

Старый Роне стоял у аппарата, придерживаясь за решетку и с улыбкой приветствия кивал сыну.

«Рад, мой мальчик, тебя видеть! До скорой встречи, — донесли последние слова отца.

Гени сделал прощальный жест рукою. Отражение на экране померкло и исчезло.

Кэн Роне сидел, облокотясь на столик, и задумчиво соображал:

— «Кто же был третий?»...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ДОБРАЯ ФЕЯ И ЗЛОЙ ВОЛШЕБНИК.

Гондола быстро несла пленников по бесконечным подземным каналам Марса.

Они с трудом ориентировались. Казалось, этим переплетающимся внутренним артериям планеты не будет конца. Случайные гости Земли, дабы окончательно не заблудиться в лабиринте опаловых извилин, неуклонно плыли вверх по течению, в надежде рано или поздно выбраться на поверхность планеты.

Впереди виднелся яркий просвет. Канал заметно расширился.

— Кажется, мы у цели, — с надеждой сказал Гени.

Галереи по сторонам канала выглядели настоящими проспектами. По ним взад и вперед двигались пешеходы. По каналу скользили сотни гондол.

Большинство встречных было одето в такие же плащи, с закрытыми лицами. Вероятность обратить на себя внимание была самая ничтожная.

Неожиданно гондола вынырнула из туннеля и пленники обеспокоились.

Перед ними, ярко освещенный желто-золотым светом, раскинулся подземный город. Вместо улиц серебром отливали спокойные, широкие каналы, как будто вылитые из матово-опаловой слюды. Миллионная толпа переливалась вдоль набережных. Типичная роба уступила свое место другим, более элегантным одеяниям. Многие были одеты в плотно облегающую тело золотисто-пурпурную, пористую ткань.

Бросалось в глаза отсутствие сине-голубых тонов. Доминирующее положение занимали желто-солнечные, яркие цвета.

Женщины с сильно вьющимися, короткими, золотыми волосами, с мягкой округлостью форм, одеждой почти не отличались от мужчин, ростом также. Многие, поверх облегающей формы ткани, были задрапированы в воздушно-легкие покрывала, падавшие красивыми складками.

Архитектура зданий этого своеобразного города-архипелага отличалась строгостью и правильностью геометрических форм. Ничего лишнего, загромождающего, тяготящего легкость многоэтажных построек. Фасады зданий, как бы лишены опоры, они кажутся стоящими прямо на опаловой зыбучей влаге. Ряды дверей-окон ромбической формы. Своеобразная, нескучная симметрия. Часть окон-дверей открыта, большинство — затянута бледно-желтой слюдой, слегка дрожащей от движения воздуха. Общее впечатление одухотворенности каждой постройки.

Вверху, покрывая весь живой архипелаг, как стеклянным колпаком, — серебристо-чешуйчатый купол, легкий и почти прозрачный. По нему — арабски подвижных огненных письмен.

Изредко в воздухе мелькают летящие фигуры, без крыльев, с какими-то скрытыми приспособлениями. Фигуры исчезают в ромбических отверстиях, появляются из них, скользят по воздуху, чтобы опуститься на проспекты или на поверхность каналов.

В центре архипелага — колоссальный водный бассейн. Здесь происходят спортивные состязания.

Гибкие, стройные фигуры юношей и девушек, затянутах в тончайшую ткань, поднимаются под самые своды купола и стремглав бросаются вниз, проделывая в воздухе изумительные сальто-мортале. Они на момент погружаются в бассейн и с силой выбрасываются упруго влагой обратно. Подпрыгнув несколько раз, как резиновые мячики, играющие уступают свое место другим.

В воздухе стоит сплошное дрожание серебряных брызг. Мелодичный беззаботный смех дополняет музыку беспрерывно падающего опалового дождя.

— Привычная картина жизни подземных городов, расположенных на небольшой глубине, — тихо сказал Роне.

— Необходимо поскорее ускользнуть отсюда. Взгляните, учитель, со всех сторон стекается толпа. Повидимому, мы попали на какой-то праздник.

Гондола не без труда выбилась из гущи и нырнула в первый попавшийся туннель.

— Однако, дело плохо. Так мы рискуем обратиться в праздных туристов. Самое неприятное то, что время идет, а мы — бездействуем, — волновался Гени.

— Не будет ли целесообразнее вернуться в логово Нооме? У старого медведя мы скорее найдем то, что нам более всего необходимо, — предложил Роне.

— Я не заметил ни одного радиодина или люксодина общественного пользования, — продолжал Гени.

— Чем вы это объясняете, мой друг?

— Право, затрудняюсь ответить...

— Я отвечу и не ошибусь: все аппараты сняты по случаю войны. Как видите, предосторожность не лишняя.

Ученый давно уже вертел в руках миниатюрный приборчик, прикрепленный к капюшону.

— Меня занимает назначение этой безделушки. Прибор, безусловно, связан с переговорами на расстоянии, однако, идея пользования им от меня ускользает. Важно уяснить принцип, а тогда...

Уже некоторое время внимание пленников привлекала небольшая односторонняя гондола, следовавшая за ними по пятам, в некотором отдалении.

— Вы обратили внимание на это подозрительное явление, дитя мое?

— Да, учитель. Я давно наблюдаю за лодкой, не решаясь вам сказать.

— Было бы очень некстати познакомиться с политической разведкой Марса, — проворчал ученый. — Остановимся и пропустим любопытного вперед.

Гондола пленников замедлила ход и почти совсем остановилась.

Преследующая лодочка повторила их маневр и оставалась несколько мгновений неподвижной, затем, очевидно, приняв какое-то решение, начала быстро приближаться.

В лодочке сидела одинокая фигура. Поровнявшись с пленниками, фигура откинула с головы капюшон, сверкнули золотистые кудри.

Гени вздрогнул. Сердце его учащенно забилося.

В лодке сидела внучка Нооме, с лицом бронзовой богини и с лихорадочно сверкающими глазами.

— Привет вам, наши далекие гости, — сказала девушка.

— Привет и счастье тебе, милая девушка, — ответил Роне, узнавший девушку, отечески мягко улыбаясь ей.

— Я заметила, наши гости сбились с дороги и решила прийти на помощь им. Или у гостей имеются свои намерения, которые не могут меня касаться?

Гени восторженно смотрел в глубокие, как бездна, глаза девушки.

— Нет, нет! — воскликнул он. — Вы явились во-время, как гений-спаситель. Мы действительно не знаем куда направиться.

В первый раз в присутствии детей Земли бронзовая статуя улыбнулась.

— Я это угадала. Не могу объяснить, каким образом...

Девушка смутилась и опустила глаза. Легкая краска волнения выступила сквозь нежно-бронзовый загар лица.

Гени и даже старик Роне невольно залюбовались милым смущением этого очаровательного существа.

Целая буря никогда неиспытанного восторга бушевала в груди Гени Оро-Моска. Он смутно чувствовал, что его душа, сердце, все существо безраздельно принадлежит этому беспомощному ребенку, такому далекому от него и его мира, и в то же время такому близкому и родному, такому безконечно дорогом.

— Куда желали бы направиться наши почтенные гости? — оправившись от смущения, спросила девушка и, подняв на них немного грустные глаза, с очаровательной наивностью добавила:

— Надеюсь, я не кажусь слишком навязчивой? Я такая глупая...

— Вы — сама мудрость, милая девушка, — сказал растроганный, неизвестно почему, старик. — Вы читаете в наших мыслях. И кроме всего, вами нельзя не любоваться, — шутливо заключил он.

Девушка несмело подняла глаза на Гени, как бы ища в его глазах подтверждения сказанного. Тот, не в силах отвести взоров от юной марсианки, только восторженно кивал головой.

— Вы нас не выдадите, надеюсь, прелестное дитя. Может быть, вам это покажется странным, — осторожно начал старик, — но я и мой юный друг, мы хотели бы каким-нибудь способом подать своим близким весть о том, что мы находимся в безопасности, под охраной волшебницы феи.

При слове «близким» лицо Лейяниты несколько омрачилось, она снова взглянула на Гени. Тот вспомнил об измене существа, бывшего близким, о взрыве на островке Тихого океана и легкий, едва заметный вздох вырвался из его груди.

— В вашем желании я не нахожу ничего странного, оно вполне естественно. Я полагала, вы давно уже выполнили свой долг по отношению к вашим близким, — серьезно сказала Лейянита.

— Что касается меня, у меня нет никого из близких. Единственное существо, бывшее мне близким, погибло, — с грустью сказал Гени.

Ученый взглянул с состраданием на своего молодого друга и, упирая на слова, проговорил:

— Человек может иногда совершенно неожиданно найти самых близких друзей и... родных.

— Мы не знаем, каким путем слетись со своей родиной.

Девушка казалась удивленной:

— Разве при вашем платье не имеется мембраны?

— Имеется нечто, чего мой слабый старческий ум не в силах постигнуть, — с комическим ужасом ответил ученый.

Девушка улыбнулась.

— Наши гости должны будут подняться наверх и включиться в ближайший приемник. В пределах планеты можно и отсюда переговариваться, а аппараты дальнего пользования два дня как сняты. Если мы поднимемся на поверхность по люку, это будет быстрее.

Девушка выпорхнула на террасу канала и весело крикнула:

— Мне так хорошо, что хочется петь! А когда мне чего-нибудь хочется, я немедленно привожу это в исполнение! Эйя!..

Звонкая, чарующая трель прокатилась по туннелю, стократ повторенная отдаленным эхо.

— Я люблю петь на этих каналах. Мне все кажется, что где-то далеко откликаются мои бесчисленные двойники. Эйя!.. Вот и люк.

Все трое вошли в прозрачный цилиндр, который мягко и быстро вынес их в царство золотого полумрака.

Была ночь. Бесчисленные громады стройных построек призрачно отражались в перламутровой влаге каналов, своею шириною напоминающих са-

мые, многоводные реки Земли. Вверху раскинулся бездонный золотистый купол далекого неба.

Звезды ярко белые, синие, красные, — обильно рассыпанные по золотой ткани, — ласково перемешивались друг с другом.

От каналов, обсаженных гигантскими пирамидальными деревьями с пурпурно-оранжевой листвой, веяло тонкими ароматами и бодрящей прохладой.

— Вот и приемник. Если вы хотите только слышать — поверните вот это кольцо, если и видеть — поверните два сразу.

Роне подошел к аппарату с экраном.

Лейянита, запрокинув голову назад, любовалась звездами.

Гени любовался ею.

— Я знаю, вот эта ярко-голубая звезда — ваша родина. Здравствуй, Гооройя! С тобой говорит твоя возлюбленная — Лейянита. Здравствуй! Привет тебе от Утренней Звездочки! Ха-ха-ха! Не понимаешь? Ведь, Лейянита и есть — Утренняя Звездочка!

Девушка взглянула на Гени и, переходя в грустный тон, продолжала:

— Я очень, очень любила, когда по небу плыли наши Луны. Это было очень красиво. Дедушка Нооме говорит, что лун Лейянита больше не увидит. Их унес страшный злой волшебник. Правда это?

«Страшный злой волшебник» — Гени — невольно опустил глаза.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ЗАГАДОЧНОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО.

С момента прекращения марсианами атак на Землю истекали сутки. За это время со стороны главнокомандования Земли также последовал приказ впредь до новых распоряжений оставить Марс в покое и по возможности воздерживаться от всяких столкновений в пространстве.

Обе колоссальные армии враждующих застыли в томительном бездействии. Начались перегруппировки сил и выяснение количества потерь.

Война затягивалась, а это было на руку нашим пленникам Марса. Они отлично понимали, чем была вызвана приостановка атак на Марс, но им была не ясна пассивность марсиан и их инициатива в деле невольного перемирия.

Оба пленника чувствовали, что это затишье — перед страшной бурей и напрягали всю свою изворотливость, чтобы возможно скорее вырваться из плена.

Исчерпав все возможности бегства и не остановившись ни на одной из них, Роне отважился на рискованный шаг. Он видел очевидное расположение к ним Нооме и решил было откровенно высказать ученому коллеге свои затруднения, как тот, совершенно неожиданно, предупредил намерение Роне:

— Скажите откровенно, мой славный коллега, вас не тяготит ваша вынужденная разлука с Землей?

— Поставьте себя на мое место, мудрый Нооме, и вам будет понятно мое состояние.

— Да, да, разумеется. Я так и думал...

Старик помолчал.

— Предлагая вам этот щекотливый вопрос, я имел в виду нечто, — продолжал Нооме. — Откровенно говоря, я побаиваюсь, что они там, без вашего мудрого руководства, могут хватить через край... И будет плохо, как одной, так и другой стороне. Я имею в виду исключительно интересы единой культуры и единой науки, направленных на благо всего сущего. Признаться, меня, как вероятно и вас, мой гениальный друг, всегда угнетала мысль об

унизительной роли науки в деле взаимного истребления. Во имя чего? Во имя каких-то эфемерных условностей! Этого не должно быть. Если уж без войны никак нельзя обойтись, все же должно быть какое-то сдерживающее начало. Мне кажется, что мы, служители чистой науки, и должны являться этим сдерживающим началом. Позабавились немного и будет...

— Правильно ли я вас понял, великий друг? — обрадовался Роне, все еще не доверяя своей догадливости.

— Совершенно правильно. О вашем благополучном возвращении к жизни пока знают только два человека — я и Лейянита. Вы мне дадите слово повлиять в сторону прекращения ненужной борьбы, а я предоставлю вам возможность скорейшего возвращения домой.

— Вы — совершеннейшее существо! — воскликнул растроганный Роне.

Ученые враждебных миров дружески заключили друг друга в объятия.

Разговор происходил в анатомикуме. В это время Гени и Лейянита гуляли по галлереем и рассматривали фигуры в витринах, — занятие, которому они предавались с особенным рвением каждую свободную минуту.

Нооме время от времени отыскивал глазами очаровательную пару и мягко улыбаясь, покачивал головой.

Ученые условились, что с наступлением ночи, т. е. через 2 — 3 часа, небольшая, но славная машина будет ожидать пленников в уединенной галлерее № 23.

Роне поспешил поделиться своей удачей с Гени.

— Лейянита, — позвал Нооме, когда пленники удалились к себе.

— Я здесь, мой славный дедушка! — девочка подбежала и повисла на шее у старика. — Как мне хорошо, дедушка!

— Рад за тебя, Звездочка. Ты умная девочка, Лейянита, ты никому не должна говорить, что видела наших гостей живыми.

— Да, дедушка.

— Сегодня наши гости покинут нас. Они отправятся к своим близким. Об этом ты тоже ничего не знаешь.

Девушка побледнела и чтобы не упасть схватилась за край стола.

Нооме поддержал внучку и покачал головой.

— Я понял твоё состояние, моя Утренняя Звездочка.

У девушки на глазах блеснули слезы.

— Это необходимо, Звездочка. Вы скоро свидитесь при лучших обстоятельствах и тогда...

— Как скоро, дедушка? — с надеждой спросила Лейянита.

— Быть может, через несколько дней. Если только наши гости не забудут про нас...

— Нет, нет, я не хочу расставаться! — вырвалось у девушки.

— Ну, что же... тогда и тебе придется отправиться с ними, — грустно улыбнулся Нооме.

— А ты, милый дедушка?

— Я — старая сова. Буду одиноко доживать век в своем дупле.

— Нет, нет! Я хочу видеть тебя и... их...

— Их или его, девочка?

Лейянита не ответила, закрыв лицо руками.

Роне и Гени, незадолго до назначенного часа, в присутствии Нооме осмотрели прибывшую машину и пришли в восторг от ее достоинств.

Все вернулись вниз, в анатомикум — проститься с Лейянитой и поговорить о некоторых вещах.

Девушка сидела на краю бассейна и плакала. Сердце Гени при виде ее скорби болезненно сжалось.

— До свиданья, Лейянита... Мне очень тяжело, но мы скоро увидимся...

Девушка подняла на Гени глаза, полные слез.

Старики отвернулись, чрезвычайно внимательно рассматривая какую-то машину.

Лейянита, неожиданно для себя, порывисто вскочила на ноги и с глухим рыданием бросилась на грудь Гени.

— Мы увидимся через два-три дня... Не плачьте, Лейянита... Вы мне делаете невыносимо больно...

— Через два дня? — переспросила девушка.

— Через два или три дня. Как кончится война, — уверенно сказал Гени.

— Если через три дня Лейянита вас не увидит, Лейяниты больше не будет на свете, — просто сказала девушка.

Все отправились к машине. В галлереях стоял полумрак. Пленники взошли в санаэрожабль с прощальным приветствием.

Лейянита еще держалась на ногах, опираясь на плечо Нооме.

Прошла минута или две. Машина не трогалась. Неожиданно дверка откинулась и на галерею поспешно выпрыгнул Гени. За ним торопливо спускался ученый.

Оба были сильно взволнованы.

— Что случилось? — спросил Нооме.

— Машина... — задыхаясь проговорил Гени, — машина... кем то приведена в полную негодность...

Лейянита радостно встрепенулась.

Нооме нахмурился и, качая головой, проговорил:

— Весьма загадочное обстоятельство...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ВОСКОВОЙ ГРО ФЕЗЕРА.

Загадочная порча машины оттягивала бегство пленников на некоторое время, а главное — вселяла подозрение, что их пребывание у Нооме известно кому-то зоркому и враждебному.

Нооме, хотя и сам был взволнован несколько странным приключением, однако успокаивал гостей, надеясь через несколько часов получить другую машину и спрятать ее в одном из отдаленных туннелей.

Пока же ученые сидели в небольшом кабинете Нооме при анатомикуме. Ученый Марса делился с ученым Земли своими достижениями в области анабиоза.

— Вы видели, дорогой коллега, витрины у меня в анатомикуме? В большинстве, в них заключены скелеты и мумии давно вымерших животных. Есть и человеческие мумии, — чрезвычайно интересные экземпляры, насчитывающие несколько десятков тысяч лет. Способ их бальзамирования нам неизвестен, этот секрет давно потерял человечеством. Об этом можно было бы пожалеть, если бы мы не обладали другим способом, более совершенным: сохранять человеческие трупы и даже живые тела, какое угодно продолжительное время, — я говорю об анабиозе. В витринах имеется несколько человеческих экземпляров из числа приговоренных к смерти, подвергнутых мною, в интересах науки, анабиотическому замораживанию. По желанию, их можно оживить в любой момент, — сейчас или через десять-двадцать лет, через одно-два столетия. Я добился некоторых успехов в

направлении частичного замораживания органов человеческого тела. Например, можно моментально заморозить человеческий мозг, сердце, легкие и так далее. Это чрезвычайно важно при сложных хирургических операциях. Я делал опыты пересаживания органов одного человека другому, — даже таких важных, как сердце, — и вполне удачно. Вы подумайте, коллега, какие открываются горизонты.

— Изумительные, — искренно поддержал Роне.

— Да, если бы люди весь свой гений, расходуемый на самонстребление, направляли на пользу человечества, мы давно уже достигли бы золотого века!

Ноомер неожиданно улыбнулся и даже, как будто, застыдился.

— В этих же витринах, мой гениальный друг, вы найдете и продукты моих шалостей в часы досуга. Я разумею восковые и иные модели с живых современников, — результат моих неудачных пока работ по созданию искусственного человека. Но это — между прочим. Серьезное же мое внимание обращено, главным образом, на явления анабиоза.

Ноомер дружески похлопал коллегу по плечу.

— Лет через 25, дорогой Роне, в этой области наука достигнет результатов, о которых в настоящую минуту страшно подумать. На Марсе анабиозом в данное время заинтересовались многие ученые общества и коллегии, им занимаются многие отдельные лица, основная специальность которых имеет весьма мало точек соприкосновения с проблемой анабиоза. Вот, например, председатель союза... т. е., я хотел сказать, — быстро спохватился Ноомер, — наш гениальный поэт Гро Фезера является одним из моих талантливейших учеников в этой области. У него даже имеется по близости моего анатомикума свой собственный кабинет, где он занимается опытами в этом направлении и ужасно ревниво охраняет результаты своих достижений.

При имени Гро Фезера Роне нахмурился. Ноомер, не замечая этого, продолжал развивать свои взгляды на анабиоз.

В это время Гени и Лейянита, по обыкновению, бродили по галереям анатомикума; не столько с целью осмотра, сколько из внутренней потребности быть вместе.

— Здесь так много, так много замечательных фигур, что нет возможности познакомиться с ними со всеми, — щебетала Лейянита. — И они каждый день прибывают. Вот, например, этой восковой фигуры я ни разу еще не видела.

Девушка остановилась перед витриной, где возвышалась фигура марсианина, одетая в современное платье.

— Давно здесь эта фигура, Лейянита? — изволнованно спросил Гени.

Гени, любовавшийся точеным личиком Лейяниты, рассеянно поднял глаза на витрину и вздрогнул от неожиданности.

За стеклом, как живая, красовалась в полусвете копия с его шурина Гро Фезера. Гени даже протер глаза и внимательно уставился в знакомые черты. Сходство с живым Гро было поразительное.

— Давно здесь эта фигура, Лейянита? — взволнованно спросил Гени.

— Вероятно, недавно, я ее вижу в первый раз.

Гени впери́л глаза в спокойные черты марсианина. Один момент ему даже показалось, будто на губах восковой фигуры мелькнула, как тень, легкая усмешка.

— Поразительное сходство, — шептал Гени. — Если бы мне не было известно, что...

Оро-Моск не договорил. Он с легким криком схватился одной рукой за сердце, а другую вытянул перед собой, как бы ища точку опоры.

— Что с вами, Гени? — испуганно закричала девушка.

Но Гени уже не слышал ее крика. Он глубоко глотнул воздуха и упал на мозаичный пол галлерей.

— Гени!.. Гени!.. — взывала девушка, пытаясь привести в чувство того, кто ей был дороже всех на свете. — Гени!.. Дедушка Нооме!.. Помоги! Спаси его!..

Девушка с воплем бросилась в кабинет ученого, вход в который находился в конце анатомикума.

Лейянита вбежала в кабинет бледная и трепещущая.

— Дедушка!.. Скорее!.. Там... Гени упал... ему дурно...

Оба ученые бросились за девушкой на галлерею.

Лейянита с быстротой ветра пронеслась через одну из галлерей и растеряннó остановилась.

— Что такое, Звездочка? Где Гени? Что с ним случилось? — в недоумении спрашивали подоспевшие старики.

Лейянита безумным взглядом ози́ралась вокруг.

Гени нигде не было видно. Витрина, около которой они только-что разговаривали, стояла пустой.

— Объясни же, Звездочка, в чем дело? — в десятый раз спрашивал Нооме.

У Роне, в предчувствии какой-то беды, мучительно защемило сердце.

Лейянита все еще растеряннó ози́ралась вокруг и, сжав виски руками, бессвязно роняла:

— Мы гуляли здесь... Остановились перед этой витриной... Там стояла фигура... Гени заинтересовался ею... Потом упал... Или это было не здесь?.. Нет, здесь... Вот и цветы, которые я выронила... когда побежала вниз...

Ученые изумленно переглянулись.

— Что это была за фигура? — спросил Роне.

— Это... это была статуя, одетая в платье... Или восковая фигура... Я не знаю... Она была очень похожа... на одного любимого мною поэта...

— Как имя этого поэта? — быстро спросил Роне, хватая Лейяниту за руку.

— Это — автор «Гармонии миров»... Его зовут...

— Гро Фезера! — закричал Роне. — Этого не может быть!

— Председатель Союза Ларгомерогов, — тихо прошептала Нооме. — Увы, это вполне возможно!..

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ПАДЕНИЕ В БЕЗДНУ.

Потратив на поиски следов Гени Оро-Моска несколько часов, ученые положительно стали в тупик.

Начальник боевого флота Земли как в воду канул. Однако, в виду плотности воды на Марсе и это предположение совершенно исключалось.

Лейянита была в отчаянии. Она неподвижно сидела на краю бассейна, с глазами, устремленными в одну точку, и по ее осунувшемуся личику текли безмолвные слезы.

Нооме передал Роне Оро-Беру о возобновлении войны. Марсиане с удесятеренной энергией обрушились на Землю.

Смертоносные лучи грозили смести с поверхности Земли все живое. Все наличные силы Федерации Земли уходили на отражение неприятельских атак и почти не было возможности подумать о наступлении в свою очередь.

Роне Оро-Бер, получив эти сообщения, плотнее закутался в свой плащ и отправился к тому аппарату люксографа, с помощью которого он однажды уже переговаривался с Кэном.

Это, разумеется, было ошибкой со стороны старого ученого. Он плохо учел в высшей степени предупредительное отношение к нему Нооме и не поделился со старым марсианином откровенно своими намерениями. Поступи Роне так, безусловно Нооме предоставил бы ему возможность снестись с Землей другим путем, не удаляясь далеко от анатомикума.

Поднявшись на поверхность Марса по известному нам люку, Роне был удивлен темнотой, царившей в воздухе. Всё золотистое небо планеты было одето как бы тяжелыми тучами, причем эти тучи передвигались по различным направлениям, время от времени открывая полосы золотистых просветов.

Временами вспыхивали как бы короткие ярко-голубые молнии.

Тишина стояла усыпляющая.

Роне стал всматриваться в атмосферу и уловил в движении туч организованную планованность.

«Это не тучи! Это — мириады воздушных машин, охраняющих планету!» — мелькнула неожиданная мысль.

Канал, на набережной которого стоял Роне, был совершенно безлюден. Вообще, все живое, как можно было предположить, предусмотрительно укрылось в недра планеты.

Ученый ощупью пробирался к люксографу, в надежде снестись с Кэном. Аппарат автоматически принимал отрывки каких-то сообщений на непонятных, условных языках. Роне был покоен, он знал, что и его условный язык никем не может быть расшифрован. Ученый мучительно вслушивался в хаос звуков, в надежде уловить хоть какую-нибудь руководящую нить. Повидимому, в воздухе кипела напряженнейшая работа.

подавляющее большинство сообщений люксографа оставалось для Роне простым набором звуков. Он уловил всего несколько слов, смысл которых был для него понятен. Было очевидно, — люксограф фиксировал отрывки световых волн с далекой Земли: «Луна пылает... Омер Амечи... Завтра утром... Последнюю ночь... Катастр.»...

В аппарат влился целый поток звуков самых невероятных сочетаний, в которых ученый никак не мог разобраться. Раза два или три он ясно уловил слово «Оссос» и понял, что речь идет о нем. Он знал, что «Оссос» в шифрованных сношениях военного командования Марса означает его имя.

Роне долго повторял в мембрану одно слово: «Кэн! Кэн! Кэн!»...

Звуки бушевали и ответа не было. Потеряв надежду вызвать сына, Роне хотел уже отойти от аппарата, как ясно услышал магическое слово: «Ариэс?» — «Ариэс!» — радостно отозвался Оро-Бер.

— Дитя мое, это ты? — «Я, дорогой отец». — Милый Кэн, я развязываю вам руки... Я знаю положение... Предпринимайте, что найдете нужным... — «Где вы находитесь, отец?» — В полной безопасности, что бы ни случилось. По возможности, шадите...

Старый ученый не закончил. Какая-то сила далеко отбросила его от аппарата. Старик потерял равновесие и упал на рубчатую железную площадку, больно ударившись о какой-то предмет. Однако, сознание опасности вернуло ему силы. Он вскочил с ловкостью юноши и, увидев устремившуюся к нему темную рослую фигуру в плаще, ловко уклонился от нападающего и бросился бежать.

Это была бешеная погоня.

Старик бежал с изумительной скоростью, так как его организм был приспособлен к более плотной атмосфере. Его прыжки привели бы в восторг любого спортсмена Земли. Однако, эта легкость не давала ему большого преимущества перед гнавшимся за ним по пятам более грузным марсианином: вокруг стояла густая мгла и бежать приходилось наугад, тогда как глаза марсианина, от природы приспособленные к менее яркому освещению, отлично видели малейшие препятствия.

Роне несколько раз кидался в упругую влагу каналов, выкарабкивался на противоположный берег и продолжал свой бег, стараясь запутать преследующего врага тысячью мелких уловок.

Несколько раз ученый уже чувствовал прикосновение его рук к своим плечам, но каждый раз ловко ускользал, кидаясь в сторону.

Роне выбивался из сил. Ушибы, полученные от ударов о встречные препятствия болели, затрудняя бег. Почувствовав, что враг его окончательно настигает и заметив в стороне высокую круглую решетку, Роне решил перепрыгнуть через нее, в надежде, что более грузный враг не осилит этого препятствия.

Старик с ловкостью отчаяния ухватился за край решетки и перескочив через нее, очутился в каком-то круглом огороженном пространстве. Он упал. Острая боль в ноге помешала сразу подняться, чтобы продолжать бег.

Марсианин с трудом вскарабкался на решетку и после минутного колебания последовал за Роне.

Завязалась отчаянная борьба. Цепкие, сильные руки врага, все время искали горла старика, чтобы сдвинуть его.

В надежде подняться на ноги, Роне ухватился за какой-то выступавший рычаг и с силой рванул его.

В ту же минуту плоскость пола медленно начала принимать вертикальное положение. Из глубины послышался отдаленный глухой рев.

Марсианин дико вскрикнул, сделал попытку ухватиться за край люка, но пол уже перевернулся на стержне и обе жертвы стремительно полетели вниз.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ПЛАНЕТА ГИБНЕТ!

Следующее утро для марсиан северного полушария, где была сосредоточена культурная жизнь планеты, наступило как-то нехотя.

Жара и духота стояли невыносимые. Солнце в своем суточном движе-

нии по небу на этот раз не спешило. Едва поднявшись над горизонтом, оно — тускло-золотое — казалось, совсем остановилось.

Начало панике было положено в астрономических обсерваториях. Астрономы, разумеется, первые заметили, что во вращении планеты вокруг своей оси произошли какие-то непонятные изменения. Это вращение быстро и неуклонно замедлялось, грозя в скором времени совершенно остановиться.

Температура воздуха всего северного полушария, обращенного к солнцу, поднялась до наивысшей точки, когда-либо наблюдавшейся в экваториальном поясе, тогда как температура южного — резко упала и влага каналов покрылась льдом.

Все живое забилося вглубь планеты. Подземные города и туннели кишели миллиардами человеческих существ; они задыхались от духоты и недостатка воздуха на одной стороне планеты и почти замерзали на другой.

Солнце, пройдя четверть своего пути, неподвижно повисло на золотистом небе. Невыносимая жара неудержимо разливалась по лицу планеты. Опаловая влага внешних каналов растопилась, расширилась и с бешеным ревом устремилась по сильно наклонным плоскостям вглубь Марса. Подземные каналы, обычно такие спокойные, медлительные, превратились в грозно бушующие потоки, которые со все возрастающим ревом и грохотом неслись по своим крутым руслам, заволакивая горячим паром все подземные галереи. В подземных морях собрались колоссальные массы разжиженной воды. Гигантские насосы и турбины, рассчитанные на определенный обычный приток влаги, не успевали перебрасывать стремительно прибывающих водных масс к полюсам и оба океана в скором времени грозили собраться в чреве планеты, затопить доверху весь подземный мир и похоронить там все живое.

Безумие и ужас охватили все население. Непонятность причин грозного явления усиливала всеобщую растерянность.

Начавшаяся было страшная паника, после полученной с Земли люксограммы, моментально ставшей достоянием всех, сменилась взрывом глубочайшего негодования по адресу правящего совета и, главным образом, против Союза Ларгомерогов, как виновника губительной войны.

Ультиматум Земли, переданный на разговорном языке марсиан и адресованный всему населению, был принят одновременно всеми люксоприемниками планеты; он гласил:

«Населению Марса и Совету Федерации. Судьба планеты в наших руках. Предлагаем капитулировать, выдав главных зачинщиков войны. Срок действия ультиматума истекает через шесть часов. Военный и правящий Совет Федерации Земли».

Мгновенно в недрах Марса вспыхнула революция, — стремительная, как поток и разрушительная, как буря. Грозные крики миллионных масс потрясали подземные галереи.

«Долой войну! Долой правящий совет! Смерть ларгомерогам! Немедленный мир и выборы нового правительства!».

Колоссальные рупоры радиофонов на всех подземных площадях, на всех перекрестках, громово бросали угрожающие дозунги.

Начались массовые избиения. Все известные руководители и все уличенные рядовые члены Союза Ларгомерогов тысячами гибли от руки разъяренной толпы. Каналы были полны трупами, местами образовались заторы, начались наводнения. Недра Марса бушевали.

«Вечный мир с Землей!» — раздавались громовые крики.

«Поголовное истребление ларгомерогов!»

«Имя председателя Союза!» — несло по всем закоулкам галлерей.

Правящий совет Марса получил от неуловимой пятерки ларгомеров распоряжение по секретному кабелю:

«Капитулируйте, при условии невыдачи кого-либо, Совет Пяти».

Растерявшееся правительство немедленно люксографировало на Землю:

«Правительству Земли. Капитуляция принята. Во имя культуры, прекратите истребление народа. Планета гибнет! Перечислите персонально кого считаете зачинщиками. Совет Марса».

С Земли немедленно ответили:

«Подробности условий капитуляции после восстановления нормального течения жизни на Марсе. Проскрипционный список также. Подтвердите согласие».

Революция принимала небывалые размеры. Люди, подозреваемые в сочувствии войне, гибли миллионами. Массы подозреваемых сгонялись на подземные площадки и тут же испепелялись страшными истребителями.

В нижних галереях началось наводнение.

Железное сердце Марса захлебывалось и грозило остановиться.

Правительство, не спросив согласия Совета Пяти, немедленно люксографировало всеми находящимися в его распоряжении средствами, на всех языках и по всем направлениям:

«Правительству Земли и всему культурному человечеству. Правительство и население Марса и его колоний принимают все условия мира, могущие быть продиктованными правительством Земли. Планета гибнет! Во имя культуры, во имя права на жизнь каждого живого существа взываем о помощи и помощи!»...

Через некоторое время, солнце медленно поползло вверх, свершая свой обычный путь по небу Марса. Невыносимая жара быстро спадала. Гигантские вентиляторы, — эти «Сеятели ветра», как их называли марсиане, — работали полным ходом, быстро уравнивая температуру воздуха двух полушарий.

Растопленная влага каналов медленно стыла, приобретая вновь утраченную ею упругость.

К полудню миллиарды людей, покинув удушливые подземелья, высыпали на поверхность планеты.

Бешеный взрыв революции утихал, уступая место революционной закономерности. Безответственные истребления часто ни в чем неповинных людей, после избрания Революционного Совета, прекратились, хотя отдельные эксцессы кое-где продолжались, страшные и жестокие.

Правящий Совет был арестован in corpore и подвергнут строжайшей изоляции. Начал действовать революционный суд.

Имена Совета Пяти Союза Ларгомеров, равно и председателя Союза, остались невыясненными. Революционный Совет всю свою энергию направил на раскрытие этих лиц, однако, пока безрезультатно.

Военные действия повсеместно прекратились. Жизнь планеты постепенно входила в обычную колею.

К вечеру население любовалось редчайшим явлением: над большей частью планеты хлынул обильный, опаловый дождь, принеший с собою спасительное освежение.

Ни один марсианин не искал прикрытия, все с восторгом подставляли свои тела под этот бодрящий душ.

Беспримерная война миров кончилась на третьи сутки.

Железное сердце Марса работало слегка ускоренным темпом.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ЖЕРТВА АНАБИОЗА.

Чтобы уяснить себе роль председателя Союза Ларгомерогов в последних событиях, необходимо вернуться несколько назад.

Благополучно избегнув бури земного ада на необитаемом островке Тихого океана, Гро Фезера энергично принялся за прерванную деятельность.

Вопль о помощи, посланный Микоросом по люксографу, как известно, был принят на Марсе, после чего немедленно последовало временное прекращение военных действий.

Гро Фезера, воспользовавшись перерывом, сообщил по тому же аппарату многочисленным тайным агентам марсиан на Земле о своем местопребывании и через несколько часов сильный и быстроходный санаэрожабль земного типа, окрашенный в цвета Земли, опустился на островке.

Предстояла трудная задача незамеченными проскользнуть на Марс через зоркие заградительные линии противника.

Прибывший с санаэрожаблем член Союза Ларгомерогов Хойхороо, старый друг Гро Фезера, сообщил последнему о результатах борьбы, о видимом перевесе на стороне марсиан и об исчезновении с горизонта главнокомандующего боевыми силами неприятеля — Гени Оро-Моска, вместе с начальником технических сил Роне Оро-Бером.

— Полагают, что оба эти лица, находившиеся, повидимому, в одной машине, погибли где-нибудь в пространстве от нашего огня, — заключил Хойхороо.

— Мне казалось, оба эти лица погибли еще до начала борьбы? — удивленно проговорил Гро.

— Относительно этого я имею самые достоверные сведения. В начале борьбы, как Оро-Моск, так и Оро-Бер руководили сражением. Наши заметные успехи начались с того момента, когда неприятелем перестали получаться их распоряжения.

Гро Фезера задумался.

— Почему же ты вывел такое примитивное заключение о их гибели в пространстве? — наконец спросил он. — Насколько я знаю старую лису, она не может так незаметно уйти из мира. А потому, здесь остается место для самых безотрадных выводов.

Укрепившись в этой мысли, председатель Союза Ларгомерогов поставил себе неотложной задачей сейчас же по прибытии на Марс выяснить точно судьбу, постигшую опасного и ненавистного ему человека.

После целого ряда сложных маневров, санаэрожаблю марсиан удалось незаметно прошмыгнуть через сторожевые цепи неприятеля и машина молнией устремилась к Марсу.

По прибытии на планету, Гро Фезера посетил конспиративную квартиру Совета Пяти, где узнал все подробности борьбы. Одним из первых вопросов председателя Совета Ларгомерогов был вопрос о Роне Оро-Бере. Здесь о его гибели точно ничего не было известно, об этом только догадывались.

Снесясь с Военным Советом, Гро Фезера заявил, что выбрать удобный момент для возобновления нападения на Землю зависит от Военного Совета и что для Совета Пяти этот момент безразличен.

Из Военного Совета, между прочим, сообщили о некоторых чрезвычайно сложных неприятельских летательных машинах, выловленных в пространных, и что одна из этих машин отправлена на исследование к Нооме.

Гро Фезера решил безотлагательно и ни в коем случае не навещать своего учителя, которому он, по своей подозрительности, не особенно доверял.

Если бы Гени и Лейянита во время своих прогулок не смотрели исключительно в глаза друг другу, они несомненно заметили бы следившую за ними фигуру в темном плаще.

Когда в галерею № 23 прибыла летательная машина, предназначенная для пленников, Фезера окончательно убедился в двусмысленной роли своего учителя и в несколько минут испортил машину, в то же время отдав распоряжение своим агентам следить за всеми каналами, прилегающими к лабораториям Нооме.

Фезера дал себе слово не выпускать из вида опасных врагов, в частности которых к взрыву на Тихом океане он не сомневался, и решил сделать своей базой кабинет при анатомическом ученом, где он занимался анабиозом.

Ключи от кабинета находились при нем. Кроме того, в кабинете имелся потайной вход, терявшийся в одном из полузаброшенных туннелей. О существовании этого входа знали только два человека — он и его преданный слуга Анорос.

Пройдя через этот вход, Гро очутился в обширном помещении, уставленном всевозможными машинами и приборами и снабженным всем необходимым для усидчивых и длительных занятий.

В нишах стен стояло несколько хрустальных гробов с жертвами его анабиотических опытов. Эти жертвы в свое время были схвачены в уединенных галереях и подвержены замораживанию.

Посреди помещения стояли на возвышениях два пустых гроба, ждущие своих жертв. При виде их у Фезера мгновенно созрел дьявольский план, который не представлялось труда в кратчайший срок привести в исполнение.

Он немедленно запер изнутри главный вход в кабинет и, захватив с собой небольшой прибор для замораживания человеческого сердца на расстоянии, вышел через потайную дверь. Пробравшись незаметно в анатомический кабинет, Гро поместился в пустую стеклянную витрину, с намерением зорко следить за своими врагами и, в случае благоприятного момента, привести свой план в исполнение.

Дальнейшее мы знаем.

Когда Гени упал, а Лейянита убежала с криками о помощи, Фезера покинул витрину и тем же потайным ходом отнес бездыханное тело к себе в кабинет.

Фезера торжествовал. Один из врагов в его руках, подкараулить другого не составит большого труда.

Убивать Гени он не хотел, так как способ анабиозирования считался и более радикальным, и более удовлетворяющим чувству мести.

Заклотив тело Гени в один из свободных хрустальных гробов, автор «Гармонии миров» подвергнул его уже окончательно замораживанию, по всем правилам искусства. Фезера герметически закрыл гроб, накинул на него легкое покрывало и сообщил по радио сестре, что труп ее мужа, будто бы погибшего в бою, доставлен к нему в научный кабинет, где приняты все меры, чтобы предохранить его от разложения.

«Если хочешь убедиться лично — Анорос тебя проводит. Прими меры предосторожности. Я не хочу, чтобы тебя кто-либо видел, в особенности,

учитель. На это я имею чрезвычайные причины, о которых после», — заключил он свое сообщение.

Поступая таким образом, Гро Фезера, как сторонник радикальных мер, рассчитывал вылечить свою сестру Авиру от печали по муже и от привязанности к прошлому.

«Когда Авира лично увидит труп мужа, она убедится в бесполезности каких-либо надежд и постепенно привыкнет считать себя свободной», — думал Гро Фезера.

Сделав свое дело, председатель Союза Ларгомерогов вышел через потайной ход и стал караулить своего второго врага. О том, что убежище жертвы будет обнаружено, Фезера не беспокоился. Официальный вход надежно заперт, да в него никто и не подумает ломиться, а потайной — тщательно замаскирован и возможность даже случайного его открытия совершенно должна быть исключена.

В одном из темных туннелей, Гро заметил в отдалении закутанную фигуру, в которой без труда узнал Роне.

«Какая случайность!» — подумал поэт и легкое беспокойство за возможное обнаружение входа в кабинет закралось в его душу.

Ученый направлялся к подземному люку, с намерением подняться наверх. Фезера пожалел, что второпях не захватил никакого оружия, но возвращаться в кабинет было уже поздно и он в отдалении последовал за Роне.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ДАР ПЕРЛАМУТРОВОГО БАССЕЙНА.

Нооме сидел у рефрактора и следил за борьбой воздушных армий в пространстве. Его несколько беспокоило отсутствие Роне, который не сказал ничего коллеге о своих намерениях. Ученый хотел уже прекратить свои наблюдения и отправиться поискать своего гостя, как совершенно случайно его взгляд упал на чрезвычайно чувствительный прибор сейсмографа.

Стрелка сейсмографа, на его глазах, отметила ряд незначительных толчков и неподвижно застыла.

Ученый постоял несколько минут у сейсмографа, недоумевая над этим явлением.

— «Неужели это результат несприятельских атак? — соображал Нооме. — Или ряд каких-то отдаленных взрывов? Или просто землетрясение? Но землетрясений на Марсе не было уже несколько тысяч лет»...

Стрелка сейсмографа снова запрыгала, на этот раз сильнее, чертя причудливо изломанную кривую.

— Что такое происходит с планетой? — вслух рассуждал ученый, тщетно ломая голову. — Несомненно, в ее вращательном движении произошло какое-то расстройство.

Стрелка сильно отклонилась назад, вышла за черту ординара и стремительно провела прямую линию в направлении движения планеты.

— Какой толчек! — закричал ученый. — Ну, старик, с нами творится что-то неладное!

Нооме выбежал из обсерватории и бросился искать Роне Оро-Бера.

В зале с перламутровым бассейном он встретил Леяйниту. Она была бледна и печальна.

— Звездочка, ты не видела нашего почтенного гостя? — спросил ученый внучку.

Та, не поднимая глаз, покачала головой.

— А он мне так нужен. Происшествие чрезвычайной важности...

— Нашли Гени?! — закричала девушка.

— Нет, Звездочка, не то... Гени мы, конечно, найдем. Ты не падай духом... Я хотел посоветоваться со стариком о явлениях чисто научных...

— Все о науке! А Гени... — с тоской проговорила Лейянита, заламывая руки.

Старый ученый не нашелся ничего возразить внучке. Он стоял, разводя руками и рассеянно смотря на опаловую влагу бассейна, где накануне стояла машина пленников, убранная теперь.

— «Чувствую, ох, чувствую, это работа моего дорогого ученичка, Гро Фезера, — думал старик. — Когда вернется Роне, необходимо будет направить розыски Гени именно в этом направлении»..

Неожиданно Лейянита слегка вскрикнула.

— Дедушка!..

Нооме удивленно поднял на нее глаза. Взгляд девушки был пристально устремлен в один из туннелей.

— Что такое, девочка? Я ничего не вижу...

— Там, что-то опять плывет...

Оба, до боли в глазах, с напряжением всматривались в какую-то черную точку в туннеле. Вот точка вынырнула из туннеля и, увеличиваясь, плавно поплыла по одному из каналов, ведущих к бассейну. Теперь уже можно было разглядеть, при неверном свете, человеческую фигуру, — очевидно, мертвое тело.

— Дедушка, а вдруг это?.. — со страхом заикнулась девушка.

Старик жестом не то успокоил ее, не то пригласил к молчанию.

Тело, миновав канал, соскользнуло в перламутровый бассейн и медленно направилось вдоль его закраины.

Старик и девушка бросились на-встречу неожиданному дару.

— Роне! — крикнул старик в сильнейшем волнении.

Нооме и Лейянита извлекли тело ученого Земли из бассейна и положили на стол. Старик припал ухом к груди Роне.

— Умер? — спросила Лейянита.

— Жив. Сердце слабо бьется. Очевидно, только оглушен падением с большой высоты, — радостно говорил Нооме. — Сейчас приведем неосторожного в чувство. Только неосторожность здесь или преступление? — вот в чем вопрос, — рассуждал ученый.

Роне скоро пришел в себя и подробно рассказал о своем странном приключении и борьбе с незнакомцем.

— Вы, colega, не заметили лица незнакомца?

— Нет, мой славный друг, было темно, а мои старые глаза...

— Это Гро Фезера, несомненно, — решил Нооме.

— Но мы упали вместе! Почему же тогда его здесь нет? — говорил Роне, оглядывая бассейн и каналы.

— Я не считаю это обязательным. Тело Гро Фезера могло попасть в течение другого канала, могло быть выловлено по пути, наконец, он мог даже не лишиться сознания. Мы должны принять все меры предосторожности...

— Вы, значит, предполагаете, мой великий друг, что председатель Союза Ларгомерогов благополучно здравствует?

— А!.. вам известно, что Фезера председатель страшного Союза... Тем лучше. Жив ли он? Без сомнения. Ведь, вы почти совершенно не пострадали, а Фезера и сильнее вас, и лучше приспособлен к местным условиям. Вследствие небольшого притяжения Марса, падение даже с большой высоты не грозит у нас серьезными последствиями. Если бы подобное случилось у вас на Земле, я едва ли имел бы чрезвычайное удовольствие беседовать в настоящую минуту с вами, мой гениальный друг... Извините, что я разболтался, это от радости. Прежде всего, как ваше самочувствие?

— Сносно. Немного ломят кости, но это может быть и просто от старости, — улыбаясь, ответил Роне.

Неожиданный толчок, от которого зазвенели металлические части машин, неожиданно прервал беседу двух ученых.

Роне как-то загадочно взглянул на своего коллегу.

— Ах, да, мой гениальный друг! — вспомнил Нооме, — ведь, я отправился искать вас, чтобы прибегнуть к вашему всесторонне развитому уму. Дело в том, что со стариком Марсом начались какие-то непонятные мне судороги.

Роне мягко положил обе руки на плечи своего друга и заглянул в его глаза.

— Это не опасно, верьте мне, мой друг и спаситель. Это лишь временный пароксизм, который минует скоро и без особенной боли, к общему благополучию и процветанию единой, вечной культуры!

— Значит, вам известны причины? — удивился Нооме.

Роне только кивнул головой.

Ученый Марса доверчиво улыбнулся, потом быстро обернулся к Лейяните:

— Видишь, Звездочка. Я говорил... Один уже отыскался и другого отыщем.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

СМЕРТЬ И ВОСКРЕСЕНИЕ.

Прошли еще сутки. Война миров закончилась. Победители диктовали побежденным окончательные условия. Революция на Марсе, изжив свой бурный период, протекала без излишних эксцессов и жестокостей.

Роне и Нооме положительно перевернули все подземелье в поисках пропавшего Гени. Ни малейших следов, ни малейших указаний.

Была даже сделана попытка открыть кабинет Гро Фезера. Однако массивные железные двери не поддавались никаким усилиям. Ограничились временно тем, что установили непрерывный негласный надзор за входом в кабинет.

Гро Фезера не подавал никаких признаков жизни, о его местопребывании никому не было известно.

В том, что председатель Союза Ларгомерогов жив, Нооме не сомневался.

Роне Оро-Бер открыто показывался всюду. Революционные массы народа, узнав ученого Земли на одной из площадей, устроили своему бывшему врагу бурную овацию.

Роне знал, кому принадлежит честь победы над марсианами и столь быстрого завершения борьбы миров. Он люксографировал Кэну в самых восторженных выражениях:

«Поздравляю, мой гениальный мальчик, мой триумфатор! Культурное человечество оценит твой подвиг, когда настанет время. Зная твою скромность, я убежден в том, что ты постарайшься уклониться от всяких почестей и выражений восторга. Больше того, едва ли многие узнают даже имя своего спасителя. Пусть будет так! Слава не только дым, — она также и тягчайший гнет, мешающий дышать свободно. Я поражен твоими сверхчеловеческими достижениями. Мое отеческое сердце переполняется горделивым восторгом за тебя, и за себя, и за человечество. Однако, нам предстоит подтвердить некоторому, так сказать, этическому анализу твои гениальные открытия. Необходимо взвесить, в какой мере можно использовать их во благо и в какой — во зло всему сущему. Несомненно, это — вопрос существования вселенной в том виде, в каком она существует ныне. До скорого свидания, мой мальчик. Дела чрезвычайной важности задержали меня на Марсе, надеюсь, на короткий срок».

Глаза Лейяниты не просыхали от слез. Она в глубокой тоске и горе бродила по подземным туннелям, в каждой промелькнувшей фигуре надеясь встретить своего возлюбленного.

Вот и сейчас, недалеко от анатомикума, в темной заброшенной галерее, промелькнула какая-то неясная фигура.

Под властью неугасающей надежды, Лейянита бросилась за фигурой и в недоумении остановилась у глухой каменной стены. Фигура исчезла, как будто растаяла в воздухе. Никого.

Заломив в отчаянии руки, Лейянита повернула обратно, как вдруг неясная полоска света привлекла ее внимание. Она подошла ближе. В почерневшей каменной стене слабо светилась расселина. Лейянита почти бессознательно ухватила за выступ камня — камень легко подался и просвет увеличился.

Девушка, расширив вход, проникла в узкий туннель, в конце которого сбоку падал яркий сноп света. Лейянита направилась туда.

Полуоткрытая дверь, за дверью светлая комната. На полу, в коленопреклоненной позе, женщина, закутанная в плащ. Капюшон откинут и буйные золотистые волосы рассыпаны по приподнятым плечам.

Женщина, закрывши лицо руками, повидимому, плакала. Движимая бессознательным чувством сострадания, горя желанием утешить несчастную подругу, Лейянита вошла в помещение и тихо направилась к женщине.

— Вам тяжело, милая подруга, — сказала Лейянита, коснувшись рукой плеча женщины.

Незнакомка быстро поднялась на ноги и испуганно уставилась полными слез, огромными черными глазами на помешавшую ее горю девушку.

— Извините, я вас испугала. Вы меня должны понять. Я сама страдаю и вид страдания других мне невыносим. У меня было намерение принести вам слово утешения.

Женщина покачала головой и медленно проговорила:

— Благодарю вас, добрая девушка, но мне не помогут никакие утешения. Лучше будет, если вы оставите меня одну с моим горем. Я оплакиваю своего погибшего мужа.

— Погибшего мужа?

— Да, погибшего мужа.

Незнакомка откинула покрывало с хрустального гроба. Лейянита с глубоким участием смотрела в ее печальные глаза. Женщина снова закрыла лицо рукою.

Лейянита перевела глаза на гроб и нечеловеческий вопль огласил своды кабинета — в гробу лежал, блédный, как снег, Гени Оро-Моск.

— Что вас так испугало, милая девушка? — удивленно проговорила Авира Гени-Мар.

Но Лейянита не отвечала. Она с рыданием билась на стеклянной крышке гроба и в иступлении взывала, как бы надеясь разбудить спящего:

— Гени!.. Гени!.. Гени!..

Авира гордо выпрямилась и высокомерно сказала:

— По какому праву, странная девушка, вы называете моего мужа этим именем?

Сзади послышался какой-то шорох. Авира быстро обернулась. В дверях стояли Нооме и Роне Оро-Бер.

— Лейянита, что ты здесь делаешь? — закричал Нооме, бросаясь к бьющейся в рыданиях внучке.

Лейянита поднялась к нему на-встречу.

— Дедушка, он умер!..

Ученый обнял плачущую девушку и внимательно осмотрел помещение.

— Это... Это... если не ошибаюсь, кабинет моего ученика, Гро Фезера, председателя Союза Ларгомерогов? — умышленно подчеркивая последние слова, произнес Нооме.

Авира выпрямилась и гордо взглянула на вошедших.

— Вы не ошиблись. Это — научный кабинет председателя Союза Ларгомерогов, которого с бешеной пеной на губах разыскивает грязная чернь по всем закоулкам планеты. А я — его сестра. Только вы напрасно побеспокоились, проникнув сюда. — Гро Фезера здесь нет. И ни вам, ни его заклятому врагу Роне Оро-Беру, — присутствие которого здесь для меня понятно, — не удастся захватить в свои руки брата, чтобы бросить его на растерзание взбунтовавшейся черни. Председатель Союза Ларгомерогов — для вас недосягаем! Наша игра проиграна, но и вы, Роне Оро-Бер, недолго торжествовали..

Авира Гени-Мар выхватила из складок плаща истребитель и метнула им в сторону Роне.

Нооме, с ловкостью юноши, схватил женщину за локоть и отвел истребитель в сторону.

Авира сделала энергичное усилие, на момент высвободила руку и прежде, чем кто-либо успел сообразить в чем дело — приставила истребитель к своему виску.

Послышался легкий треск и Авира Гени Мар опустилась на пол, возле гроба своего мужа.

— Несчастная женщина! — невольно вырвалось у Роне.

Лейянита, прижавшись к стене, с безмолвным ужасом в глазах смотрела на эту непонятную для нее трагедию.

Нооме нагнулся над упавшей женщиной.

— Кончено, — сказал он, — ее не в состоянии спасти никакое искусство.

Роне выступил вперед. Он был взволнован и с трудом владел собою.

— Но каким образом очутился здесь труп моего сына?.. Труп Гени Оро-Моска, хотел я сказать, — быстро поправился старик.

— Труп? Вы ошиблись, мой дорогой друг. Мертвые не имеют такого белого цвета кожи. Ваш сын... ваш юный друг, хотел я сказать, просто подвергнут анабиотическому замораживанию. С какой целью? — и об этом я догадываюсь.

— Дедушка! — с тоскою проговорила Лейянита, глотая слезы.

— А ты успокойся, Звездочка, — с улыбкой повернулся к ней Нооме. — Твой Гени не умер, он только спит, и мы его не замедлим разбудить. Что же касается других препятствий...

Нооме покосился на труп Авиры и после небольшой паузы договорил:

— ... то все препятствия судьбе было угодно устранить с вашей дороги...

РАССКАЗ ФРЕНСИС НОУЛЬС-ФОСТЕР.

Иллюстрации С. Пишо.

Ма-Сейн, продавщица шелка и признанная красавица базара Бгамо, была очень несчастна. Золотисто-бронзовый лоб ее собрался в морщины под темными кольцами волос, охваченных круглым гребнем слоновой кости, алые губы опустились в углы, а большие темные глаза, обычно горевшие весельем, столь свойственным душе бирманской девушки, страстно любящей смех, теперь были тусклы, словно она плакала несколько дней подряд — да так оно и было в действительности.

Это было тем более неожиданно, что Ма-Сейн слыла самой веселой девушкой в этом полукитайском пограничном городке; ум у нея был такой же светлый, как и ее имя, означающее: «девушка — Алмаз», и сердце твердое, как этот драгоценный камень. Но увы! Судьба имеет гнусную привычку делать трещины во всех таких алмазах — пришел и ее час.

Камнем, на который наскочила эта коса, оказался Мунг-Сан-Ка, бойкий черноглазый сын У-Ле-Кина, поставщика слонов крупной фирме лесопромышленников на Верхней Ирравади — завзятый Дон-Жуан своей деревни, затерявшейся в джунгле, насупротив Бгама, за Великой Рекою.

Когда он начал в сумеречный час — в Бирме называемый: «пора ухаживающих юношей» — приходить к веранде бамбукового дома Ма-Сейн, сплошь завешенного цыновками, и беседовать с

ней подолгу своим нежным, страстным голосом, то сердце ее полетело к нему через реку, да там и осталось. Чему и удивляться не приходится!

Но вот уже десятый день он не показывался; теперь она не видела ни золота, ни пурпура в великолепном закате, опламенившем гладкие, как озеро, воды Бгамо — один только серый мрак и уныние.

На десятый вечер она просто заболела от горя и лежала на постели, распустив длинные волосы, без пудры и краски на лице, без золотых побрякушек на худеньких руках.

Вдруг к ней ввалилась ее подруга Ма-Шве-Бвин («Золотой Цвет»), такая-же продавщица шелка, попыхивавшая огромной светлой сигарой; сбросив зеленые бархатные сандалии, она весело затараторила, как сорока на заре.

— Ты почему не была вчера на «пве» (игры)? — спросила она.

— Мне сильно нездоровилось, — коротко ответила Ма-Сейн.

— Жаль, что тебя не было — я видела твоего негодника Мунг-Сан-Ка: он сидел и хохотал с этой намазанной дрянью, Ма-Йин. Я думаю, он проведет, что ей скоро достанутся три слона, так как ее сестра вышла замуж за зонточника из Мандалая против воли отца. Расшевелись, Ма-Сейн!

— К чему? Десятый вечер он не

приходит. Это-Колесо (судьба, фортуна). Да и что могла бы я сделать? А Ма-Йин — да не знать ей за это Великого Успокоения целую тысячу лет!..

Но у Ма-Шве-Бвин, как у истой бирманки, был свой практический взгляд на все эти дела. — Да ты приносила ли жертвы последнее время, заслужила-ли ты у богов?

— Да, — ответила Ма-Сейн. — Я раздавала столько милостыни пунджиям (жрецам), что все руки себе отмахала — а он все же покинул меня...

— Это мало. Пожертвуй пагоде Будду! Вот я только-что проходила мимо фабриканта божков — у него три таких славных маленьких-маленьких Будды из гипса, раскрашены красным и золотом — просто прелесть! Хочешь, я пойду с тобой покупать их?

Ма-Сейн подилась и вытерла глаза. То, что предлагала Ма-Шве, имело смысл. Если даже Будды не помогут ей — может быть, она хоть найдет успокоение от своей любви. Во всяком случае, попробовать стоило. Она оправила волосы, повесила на каждое ухо по ветке вистарии, подоткнула свою розовую шелковую юбку и накинула на плечи расшитую кисейную мантилью, а поверх нее шарф. Потом она вдела в уши грушевые серьги, отыскала свои обшитые бархатом сандалии и из лакированного, черного с красным, ящичка достала несколько монет, которые и спрятала в рукаве с проворством и грацией, присущими только ее расе.

Стройная, как пальма, она вышла, слегка покачиваясь, вместе с Ма-Шве-Бвин под ее бледно-розовым, расписанным красками, шелковым зонтиком.

* * *

Дня через два, в послеобеденный час (в Бирме сделки заключаются лишь в часы досуга) в конце извилистой тропинки, ведущей к группе разрушенных пагод и часовень Чинна-Шве, остановилась грубая деревенская телега, запряженная парой белых бычков, погромыхивавших бубенчиками. Здесь, во-

круг стройной центральной пагоды, разбросано несколько новых пагод и часовень из чудесного резного тека, раззолоченных и выкрашенных пурпуром от остроконечных многоярусных кровель до стройных колонн. Возвышающаяся среди них центральная пагода увенчана макушкой из железа, белеющей, как лебедь среди павлинов, и увешанной колоколами. Кусты бледных, чуть розоватых роз плотным кольцом окружили свободное пространство у ее основания, а за ними стоят огромные деревья, бросающие черную тень. Рядом, к двум переплетшимся вырезанным из тека драконам, привешан огромный колокол, под ним лежат оленины рога, которыми бьют в колокол во время богослужений: бирманские храмовые колокола не имеют языков.

Но Ма-Сейн была нечувствительна ко всем этим красотам. Торопясь принести свои жертвы, она едва замечала косые лучи пышно рдевшего солнца, падавшие на роскошную мозаику инкрустаций молебных шестов и на алтарь огромного бронзового Будды, украшенного диадемой и возвышавшегося в главном приделе; не замечала она и волшебного блеска фонариков, утопавших в цветах, разбросанных перед статуей.

К северу от алтаря тянутся ряды полок, на которых сидят в вечном размышлении Будды всевозможных сортов и видов: завернутые в желтые, усыянные блесками муслиновые шали, воздушность которых так причудливо контрастирует с их мраморной солидностью. либо же только выкрашенные в золото, пурпур, или осыпанные драгоценностями.

Сын Ма-Шве-Бвин, худощавый юноша, пятнадцатилетний Мунг-Кве-Иох, с раскосыми монгольскими глазами под ярко-оранжевым головным платком, задрапированный в желто-синюю полосатую шелковую юбку нес в каждой руке по маленькому добродушно улыбающемуся гипсовому Будде; почтительно посадив одного из них в сгиб своего локтя, он сильно ударил в колокол свободным кулаком.

За ним следовала Ма-Сейн с третьим

Мунг-Сан-Ка сидел с этой намазанной дрянью, Ма-Йин.

Гаутамой (Будда). У входа в часовню к ней вышел пунджий (жрец) — высокий, сухопарый, степенный. Заметив приближение женщины, он заслонил свои глаза веером из пальмовых листьев.

Почтительно отведя взгляд от бри-

того коричневого черепа пунджия, Ма-Сейн изложила свое желание, и тогда вышел второй монах. Усердно помолясь, они поставили трех Будд на пустую полку, рассыпали перед ними сладко пахнущие цветы и понатыкали бумажных «молитвенных флажков».

Не жалея дорогой юбки, Ма-Сейн спустилась затем на колени и поклонилась, стукнувшись лбом прямо в пыль, в пылу самой страстной в ее жизни молитвы.

Мунг-Кве-Иох, поставив на полку три крохотных глиняных лампадки, молился вместе с нею, ибо они были друзья с раннего детства. Он чувствовал, что, будь это в его власти, он с восторгом бросил бы негодного Мунг-Сан-Ка на съедение карпам Ирравадди.

Затем они поспешно удалились по тропинке между разрушенными жертвенниками, пугая ящериц и задевая ползучие растения; пора было ехать, ибо от Чинна-Шве до Бгамо было добрых четыре километра, а джунгля, особенно в сумерки, кишит леопардами.

На другой день и на следующий Май-Сейн возвращалась к храму, с надеждой, но и с отчаянием — ибо она узнала, что Мунг-Сан-Ка подарил уже Ма-Йин кусок шелка и гребень.

Она готова была побросать своих Будд на пол — ужели и х заслуг недостаточно? Она готова была потребовать чуда, грозить удавиться — сделать что-нибудь безумное, дикое — но ее пылкие мольбы оставались без ответа.

— Услышь меня! Поддай мне помощь, о милосерднейший! — яростно взывала она. — Прими мою жертву, и я принесу новые — я буду творить шико (молитву) трижды в день всё дождливое время! Услышь меня, или я буду искать мира в новом теле (это значит: покончить самоубийством). Сотрясаясь от рыданий всем своим худеньким телом, Ма-Сейн уходила после молитвы домой.

* * *

Следующее утро было прохладное, мягкий ветер тянул из леса, с вершины Чинна-Шве открылась дивная картина отдаленных гор, и когда солнце поднялось высоко, к пагоде приблизились два других паломника, составлявших резкий контрост Ма-Сейн и Мунг-Кве-Иоху.

Блестящий юноша в ослепительно-белой шляпе и кремовом шелковом костюме вел изящную английскую барышню в голубом полотняном платье по неровной тропинке к жертвеннику.

В этом шуплом юноше, таком небрежном на вид, никто не заподозрил бы человека с железными нервами и изумительной предприимчивостью, а между тем это был герой смелых подвигов в джунгле, которых хватило бы на материал для воспоминаний шестерым путешественникам, и вдобавок — превосходный охотник за крупной дичью.

Это был один из белых начальников Мунг-Сана-Ка, служивший в крупной лесопромышленной фирме дозорным над большим лесным участком. Он явился из лесов, чтобы встретить вышеупомянутую девушку и ее тетку, совершавших увеселительную поездку по реке.

Его рассказы о дикой жизни в лесах и бирманские легенды о людоедах и духах заронили в головку девушки увенчанную волной каштановых волос золотистой бронзой выбивавшихся из под края белой шляпы, своенравную мысль.

— Какие забавные Будды! — вскричала она, когда они приблизились к храму. — Посмотри на этих трех! Дик, я непременно хочу иметь вот этого, среднего! Ну, право же, он нам улыбается! Как ты думаешь, очень будет дурно, если я его украду? Ты говоришь, что они никогда не ремонтируют пагод, когда те разрушаются. Я уверена, что никто не хватится именно этого в полной комнате Будд! Все эти пагоды, что кругом, развалились скоро и эта развалится. Нельзя, думаешь ты?

Дик находился в таком состоянии, что с радостью готов был украсть ей в угоду целую пагоду, и в его серых глазах отразилась ее шаловливая дерзость.

— Дорогая моя, я с удовольствием украл бы его для тебя, если бы за нами не следили старые пунджи! Славная будет история, если следят! Этот ма-

Он корчился в муках. Рядом лежала мертвая кобра.

ленький нищий словно по обету присутствует здесь в трех лицах, да и шветы тоже кой о чем говорят... Ну, не смотри на меня так, а то я всех заберу! Ты портишь себе ротик, когда распускаешь уголки губ...

Туземный кулий с двумя корзинками на бамбуковом коромысле остановился,

чтобы ударить в колокол; зеленые попугаи трещали в золотой чаще могучих деревьев; в воздухе носились, сверкая, мириады стрекоз, но больше никого и ничего не было видно, над всей Чинна-Шве повис полуденный покой и безмолвие.

Безрассудная девушка шаловливо

преклонила колени в притворной «чи-ко» — молитве перед алтарем, который она собиралась ограбить, а он, зачарованный, нагнулся, чтобы поднять ее на ноги, и вдруг поцеловал прямо в губы!

Она слишком увлеклась своим капризом, чтобы обратить на это внимание; схватив среднего Будду своими свято-татственными ручками, она спрятала его в рукав своего голубого плаща, который отдала нести Диду.

Быстро оглядевшись, она повернулась и побежала по дорожке к тому месту, где их ждала колясочка.

— Ах, ты, дерзкая! — шептал он, шагая рядом с ней. Ведь, ты знаешь, что я не смогу помочь тебе, если дома в один прекрасный день тебя подстережет бирманец с длинным ножом — за веру они пойдут на что угодно! А кроме того, был в древние времена языческий царь, наложивший такое заклятие на тех, кто вздумал бы воровать его жертвоприношения из храма: «Да мучается вор, как человек, замурованный по пояс в скалу, к которой и в два месяца не доберется». Вот как и тебя могут проклясть, кошечка!..

Она лукаво взглянула на него: — Будто ты и в самом деле будешь огорчен, если это со мною случится? — смиренно спросила она. Продолжение их беседы нас в данный момент не должно интересовать.

* * *

Перед закатом пришла Ма-Сейн, плававшая всю дорогу. При виде пустого места на полке, она так дико вскрикнула, что к ней в ту же секунду выбежал из часовни старый пунджий.

— Кто тут был, Дядя, господин мой? — кричала она. — Мой Будда исчез!..

— Сегодня здесь не было ни одной живой души, — недовольно ответил пунджий.

Он не мог, ведь, сонаться, что в этот день созерцание унесло его в волшебную страну снов...

— Значит, Владыка услышал меня и послал Ната унести Будду! — завывала Ма-Сейн, окончательно потеряв душевное равновесие. — Ай-йя! Ай-йя! Ом мани падме ом!..

Она бешено извивалась в молитве.

В далекой Верхней Бирме суеверная вера в «Натов» так перемешана с чистым буддизмом, что туземцы твердо верят в разные чудеса.

— Ты заслужила! — торжественно промолвил жрец, не зная хорошенько, что сказать ей.

Но замешательство его быстро рассеялось, как только из ближайшей джунгли донесся отчаянный человеческий вопль:

— Помогите! Скорей, умираю!..

Услыхав этот голос, Ма-Сейн вскочила на ноги и с криком бросилась за пунджем в чашу: она разглядела, кто лежал в кустарнике ярдах во ста расстояния! Мунг-Сан-Ка корчился в муках, прижимая рукою икру своей ноги, а рядом лежала мертвая кобра и сломанная палка.

— Я проходил джунглей — со мной не было ножа, — задыхающимся голосом говорил он. — О, Ма-Сейн, жизнь моя, я искал тебя!

Она не верила своим ушам, но почувствовала, что это, конечно, чудесный ответ на ее мольбу, и не стала тратить времени на слова или гримасы кокетливой мести, на которые в иных обстоятельствах она бы не поспешила.

С холодным мужеством, как хирург, она вынула свой маленький «дах» — кинжал — и обратилась к пунджию, который, став на колени, манипулировал над раной с инстинктивным искусством бирманца, знающего, что такое змеиный укус.

— Зажми покрепче, пока я буду вырезать отраву! — промолвила она. — Потерпи, Мунг-Сан-Ка, это будет скорее и менее болезненно, чем когда тебе татуировали ляшки, — а ты, ведь, когда-то говорил мне, что все, мною сделанное, будет тебе в сладость после

ран, нанесенных моими глазами!.. — Докажи же это теперь...

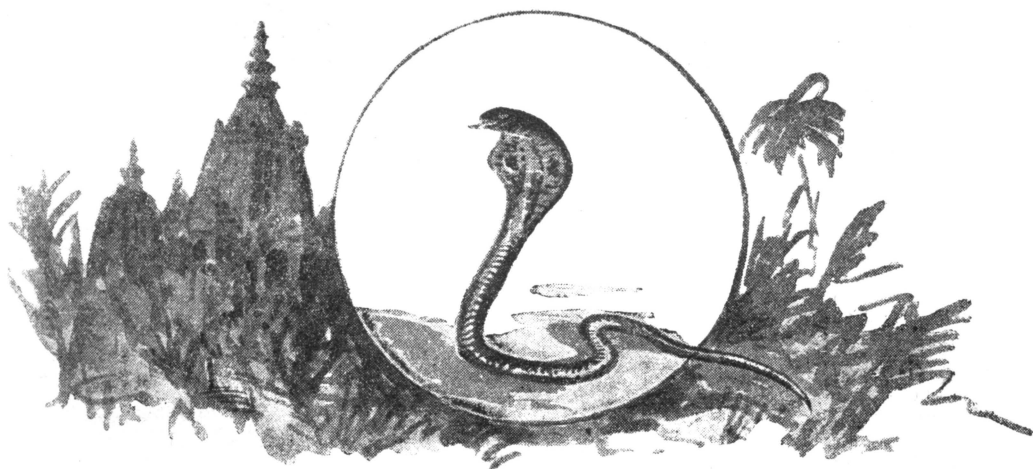
Не обращая внимания на стоны и струившуюся кровь, она искусно удалила зараженную часть икры, — к счастью, рана пришлась далеко от артерии, и перевязала рану своим шарфом.

— Я позову на помощь, и мы перенесем его в часовню, — сказал пунд-

жий, грузно уносясь, как большая желтая птица, в зеленую чашу.

— О, обожаемый Лотос мой! — чуть слышно говорил юноша. — Я развязался с Ма-Йин. Она неверная леопардиха! Простишь ли ты меня?

И Ма-Сейн, уверенная, что Владыка Мира только-что подал ей ответ и совет, проявившиеся столь чудесным образом, решила, что она может простить.

ПОБЕГ АНРИ РОШФОРА

Исторический рассказ П. К. Губера.

Рис. для «Мира Приключений» худ. Michau.

Знаменитый журналист Анри Рошфор *) не принимал участия в правительстве Парижской Коммуны. Но его статьи поддерживали дух сопротивления среди осажденных. Не совсем правильно ему ставилось в вину разрушение дома, принадлежавшего Тьеру. Кроме того, среди новых хозяев поселения у него было множество личных врагов. По всем этим причинам версальский военный суд приговорил его к вечной ссылке «с содержанием в укрепленной ограде» — как было сказано в приговоре.

Пока старый Тьер оставался президентом, Рошфора шадил, и он отбывал заключение в различных крепостях на западном побережье Франции. Но тотчас после избрания Мак-Магона, обновленное министерство, отныне вполне реакционное и монархическое, поспешило услатить опасного писателя в Новую Каледонию.

Ровно четыре месяца понадобилось парусному фрегату «Виргиния», чтобы проделать путь от Шербурга до Нумеа. Рошфор, не переносивший качки, ужасно страдал. Судьба и характер узника вызвали общее сочувствие. Корабельное начальство допускало разные поблажки в его пользу. Обед ему носили из офицерской столовой. Его каторга, т. е. деревянная клетка, расположенная в боковой батарее корабля и заменявшая каюту, была заня-

та им одним — послабление немало-важное, если вспомнить, что тут же рядом другая каторга одинаковых размеров вмещала двадцать две осужденных женщины, в том числе известную Луизу Мишель.

Капитан Лонэ, командир «Виргинии», ежедневно навещал своего подневольного пассажира и подолгу с ним беседовал. От этого бравого, хотя несколько простоватого моряка, Рошфор получил для просмотра подробную карту Новой Каледонии и на этой карте впервые заметил маленький, безымянный островок, вернее — просто коралловый риф, расположенный ввиду берега, прямо против полуострова Дюко, предназначенного для ссыльных.

10 декабря 1873 г. «Виргиния» бросила якорь в гавани Нумеа. После разных формальностей арестантов ссадили на сушу, где им предстояло провести остаток дней «в укрепленной ограде».

То была особая форма наказания, специально изобретенная для некоторых категорий политических преступников, нечто среднее между простой ссылкой и каторжными работами.

Заклученные были вполне свободны в пределах полуострова, жили в хижинах, которые сами себе строили из глины и тростника, могли получать из дому деньги и покупать что угодно, в кантине или у торговцев, приезжавших из Нумеа. Некоторым счастливым дано было позволение ходить в этот городок для заработков; другие разводили огороды, силясь извлечь хоть что

*) Портрет Рошфора, помещенный в заголовке, воспроизведен нашим художником по редкой гравюре на металле, находящейся в одном из государственных хранилищ. Прим. изд.

нибудь на тошей, неблагодарной почве; третьи занимались рыбной ловлей, разумеется, с берега, т. к. держать лодки было строжайше запрещено.

Полуостров имел около двух с половиной льё в окружности. С трех сторон шумело море; с четвертой вздымалась колючая ограда, снабженная воротами и охранявшаяся воинским караулом. Лихорадка, жара и москиты — таковы были три бича, от которых особенно страдали обитатели этого уголка земли, затерянного в океане.

Они жили изо-дня-в-день, постоянно ожидая амнистии и постоянно обманываясь. Иные предавались химерическим мечтам о побеге. Один несчастный помешался на том, что вздумал строить воздушный шар из кирпичей.

Картины тропической природы, звезды южного неба, сверкавшие в два и три раза ярче наших северных звезд, фосфорическое свечение моря, волшебные-прекрасные закаты, ловля невиданных рыб и ярких, как цветы, амфибий, — все это на первых порах помогало забыть даже несносных москитов. На одиночество жаловаться не приходилось. Рошфор устроился со своими друзьями — Паскалем Груссе и Оливье Пэном в просторной хижине, посреди пустынной, песчаной долины за грядою холмов. Когда им становилось скучно втроем, они шли в поселок, где ютилось большинство изгнанников. Здесь у них был обширный круг приятелей и знакомых *).

Их любимым развлечением было купанье в океане. Вскоре все трое стали отличными пловцами. Рошфор настойчиво советовал не оставлять этого упражнения, которое могло в один прекрасный день сослужить свою службу.

Из числа ссыльных, проживавших в поселке, Рошфор особенно близко сошелся с четою Вадье. Отец Вадье казался необычайно забавен. Только ядовитой насмешкой судьбы можно было объяснить, что человек подобного склада попал на знойный тихо-

океанский остров в качестве мятежника и зажигателя гражданской войны.

Трудно было найти более благонадежного обывателя. Мелкий чиновник морского министерства, педантически аккуратный и как огня боявшийся всякой оппозиции начальству, он очутился на службе у Коммуны только потому, что коммунары завладели Парижем. Резкие перемены режима, столь частые в прошлом, приучили Жозефа Вадье исполнять приказания любой власти, не справляясь о цвете знамени.

Хотя у Коммуны не было флота, но морское министерство сохранилось, как некая фикция. Под версальскими ядрами Вадье продолжал нести обязанности, доверенные ему еще при Луи Филиппе. За это преступление военный суд отправил его к антиподам.

Ни тюрьма, ни ссылка нисколько не изменили Жозефа Вадье и не поколебали его взглядов. По-прежнему это был чопорнейший из смертных, друг «порядка, иерархии и дисциплины», заклятый враг всякого «своеволия и свободомыслия». Он чрезвычайно дорожил своим знакомством с Рошфором. В его глазах этот последний все еще оставался бывшим депутатом, членом правительства Национальной Обороны, почти министром, не чета прочим коммунарам-оборванцам. Что до Рошфора, то он любил подтрунить над стариком. Однако, существовала еще одна причина, заставлявшая его поддерживать эту столь внезапно завязавшуюся дружбу: Вадье был женат и жил в поселке вместе с женой. А его дочь Жервеза, служившая модисткой в лучшем магазине дамских шляп в Нумеа, навещала родителей аккуратно каждую неделю.

Если бы история Франции не знала того узла трагических событий, который известен под именем восстания Коммуны, жизненный путь Жервезы, вероятно, остался бы однообразным и ровным от колыбели до могилы. Ее выдали бы замуж, скорее всего за какого-нибудь чиновника, младшего сослуживца отца. Она занималась бы хозяйством, входила в интересы мужа и одевалась бы скромно, но с настоящим парижским вкусом. В ее жизни были

*) В своих записках Рошфор рассказывает («Les aventures de ma vie» III...), что в течение первого месяца жизнь в Новой Каледонии ему нравилась.

Жервеза видела, что Рошфор и его два товарища скрылись в кустарниках у моря...

бы легкие увлечения, однако, ни одно из них не возвысилось бы до степени драмы. Молодой Мопасан, тоже служивший в морском министерстве, мог заметить ее мимоходом и впоследствии рассказать в краткой новелле какой-нибудь гривуазно-комический или печальный казус, с нею случившийся.

Но ей едва успели исполниться семнадцать лет, когда отца посадили в подвалы Венсенского замка. Она с матерью остались без всяких средств. Пришлось поступить в мастерскую и трудиться с утра до ночи. Среди новых подруг она узнала, а отчасти и испытала много такого, о чем и не подозревают молоденькие девушки ее круга.

Теперь никто не спрашивал у нее стчета в ее поведении и не преподавал ей ригористических правил буржуазной морали. Не до того было. В течение двух лет шляпная мастерская служила для нее школою жизни.

Она была легкомысленна и влюбчива, отважна и великодушна. На парижской улице она чувствовала себя,

как птица в родном лесу. Конечно, ей пришлось встретиться со многими соблазнами. Она отвечала смехом, без тени лицемерного негодования, и не упускала случая повеселиться; но последнего безвозвратного шага все-таки не сделала. Тем временем

отца ее отправили в ссылку с одним из первых эшелонов. Мать последовала за ним. Немного поколебавшись, Жервеза решила сделать то же самое. И вот теперь ее башмачки, так легко и проворно ступавшие по асфальту бульваров, вязли в песках Новой Каледонии.

Само собою разумеется, что подобная девушка должна была влюбиться в Рошфора с первого взгляда. Как могло быть иначе? Он сам был бы весьма удивлен, если бы этого не случилось.

В описываемую эпоху Рошфору шел сорок четвертый год. В нем сразу чувствовался светский человек и большой барин. Он обладал безупречными манерами, с легким оттенком блестящей, талантливой дерзости, неизменно отличавшей все его писания и каждое слово, им произнесенное. Его разговор был увлекательно интересен. Заключение коммунары боготворили его, а чины администрации относились к нему весьма почтительно, т. к. было известно, что все подробности его пребывания на полуострове Дюко заботливо отмечаются во французских и иностранных газетах. Вдобавок он был

графом, хотя и отказывался носить этот титул. Всего этого было совершенно достаточно, чтобы вскружить голову Жервезе.

Она не старалась скрывать своих чувств. Каждое воскресенье она тащила отца с матерью в гости к постояльцам уединенной хижины. За обедом кончик ее ботинка касался парусиновых туфель Рошфора. Когда, при наступлении вечера, все общество направлялось осматривать гроты, созданные в обрыве берега последовательным опусканием и поднятием моря, она всегда опиралась на руку писателя. Заметив одного из тех огромных крабов, которыми кишат тамошние воды, она кокетливо взвизгивала и льнула к своему кавалеру, словно ожидая его защиты.

Однажды, при зное в пятьдесят пять градусов, она бегом пробежала по солнцу четверть мили только для того, чтобы увидеть Рошфора в течение двух минут с глазу на глаз. Воспользовавшись этою встречей, она назначила ему свидание на тот же самый вечер. При наступлении темноты они должны были встретиться у входа в долину. Тут, под снисходительными лучами Южного Креста, они могли обмениваться клятвами, а может быть и кое-чем получше.

Жервеза исправно явилась на условленное место. Но Рошфор не пришел. В последнюю минуту им овладели сомнения. Она прождала до полуночи

и вернулась в родительскую хижину, глубоко огорченная и обиженная.

Граф Анри был очень избалован женщинами. В Париже его любили элегантные светские дамы и известные актрисы. Жервеза ему нравилась. Но, конечно, сердце его оставалось совершенно спокойным. Изнемогая от скуки, он позволил себе увлечься этим флиртом и, вероятно, не вздумал бы остановиться на полдороге, если бы чрезвычайные обстоятельства не сообщили совсем нового направления его мыслям.

Новая Каледония ему окончательно опротивела, хотя он заканчивал здесь всего третий месяц. Во Франции у него остались дети, которых он нежно любил.

Его энергический, нервный и страстный темперамент томился от бездействия. А впереди лежали целые годы, унылые и однообразные. Он слишком хорошо знал политические кулисы, чтобы, подобно своим товарищам, ожидать скорого помилования.

Раз в неделю, по средам, перед закатом солнца, с островка Ля Ну, где помещались каторжные тюрьмы, долетал протяжный, плачущий вой, далеко разносившийся над гладкой морской поверхностью. То кричали провинившиеся арестанты-каторжане, которых секли воловьими жилами. Рошфор скрежетал от бешенства, слушая эти вопли. Жажда мщения душила его. Здесь, в ссылке, он чувствовал свое бессилие. Но на свободе, пусть за границей, в Англии или в Швейцарии, с пером в руках, он вновь становился страшен.

И вдруг, совсем неожиданно, ему представился случай единственный—исключительный, неповторяемый. Можно ли удивляться, что накануне предприятия, долженствующего иметь решительное влияние на всю его судьбу, он не захотел связать себе руки мимолетной интригой, не имевшей к тому же ничего особенно заманчивого в его глазах.

Неделю спустя после несостоявшегося свидания, Жервеза вновь появилась в поселке у родителей. На пороге их домика — она заметила рыжего и долговязого Оливье Пэна. У него был очень озабоченный вид. Не обратив на это внимания, она весело поздоровалась и сказала, что лишь только свалит

жара, она вместе с отцом и матерью хочет навестить его, Рошфора и Груссэ.

Нисколько о том не догадываясь, она повергла Оливье Пэна в жесточайшее беспокойство этим сообщением. Существовали важные причины, по которым Рошфор и его друзья желали избежать всяких визитов в тот день и особенно в тот вечер. Впрочем, Пэн сейчас же нашелся.

— Удивляюсь, сказал он, делая значительную мину, — как вы после всего случившегося решаетесь идти к Рошфору. Он вне себя и дал честное слово никогда не видаться с вами. Если вы попадетесь ему на глаза, произойдет ужасная сцена. Он совсем бешеный и никогда не умел владеть собой.

Жервеза смутилась:

— Право не понимаю, на что вы намекаете — пролепетала она. — За что сердится на меня г. Рошфор? Клянусь вам, что тот молодой человек, которого он, вероятно, имеет в виду, нисколько меня не интересует. Пожалуй-ста, убедите его в этом.

Итак, здесь и впрямь замешался какой-то молодой человек. Оливье Пэн, восхищенный тем, что его выдумка так удачно совпала с действительностью, обещал Жервезе все, о чем она просила. Он переговорит с Рошфором и уверит его в неизменности ее чувств. Пусть только она сама, пока что, держится подальше. Рошфор ревнив и вспыльчив до безумия. Нужно дать ему время остыть.

Жервеза была очень обескуражена этим инцидентом, тем более, что ее собственная совесть хоть и не очень сильно, но все же укоряла ее. В конце концов, не взирая на строгий наказ Оливье Пэна, она решила в тот же день объясниться с Рошфором. Причины его гнева были так ясны для нее, и теперь она понимала, почему он не прибыл на свидание. Конечно, какой-нибудь сплетник назвал ему имя Гастона Ляпоша. Но она могла поклясться всеми святыми мира, что отношения между нею и Гастоном не имели ничего предосудительного. Правда, почти каждый день они прогуливались по главной улице Нумеа. Раз два он гальсировал с нею на танцевальных

вечерах, а однажды позволил себе явиться с визитом. Она приняла его чинно, словно светская дама, и угостила чашкой кофе в присутствии мадам Клэр, своей квартирной хозяйки.

Гастон Ляпош — молодой человек благовоспитанный и солидный. Впрочем, весьма возможно, что ему пришлось на родине: «съесть лягушку» — как это говорится. Иначе, он вряд ли попал бы в Новую Каледонию. Всё же, он резко отличается от своих товарищей. Нынче он только писец в канцелярии адмирала Готье де ла Ришери, управляющего колонией. Однако, при благоприятных условиях он может пойти далеко.

Еще полгода назад, она, чего доброго, довольно благосклонно встретила бы изъяснение его чувств. Но теперь иное дело! Как сравнивать Гастона с Рошфором? Жервеза любит только Рошфора. Таково ее твердое решение.

О! она хорошо понимает свое положение и твердо помнит, что встреча с нею в лучшем случае может явиться лишь случайным эпизодом в этой жизни, столь богатой чудесными событиями. Но ничего больше ей и не нужно.

Она простилась с родителями гораздо раньше обыкновенного, сказав, что ее ждут вечером в Нумеа и что она вернется домой не в казенном баркасе, а в лодке зеленщика. Ее не удерживали.

Багровое солнце низко стояло над горизонтом; на востоке клубились зловещие тучи; в воздухе было предчувствие грозы. С трудом шагая по рыхлому песку, Жервеза была уже недалеко от жилища Рошфора, когда с вершины пригорка, заметила трех людей, быстро подвигавшихся к ней на встречу. Один из них все время отставал и сильно прихрамывал. Легко было узнать Рошфора, который еще две недели тому назад сильно поранил себе ногу острым обломком коралла.

Сначала Жервеза хотела просто поздороваться с тремя друзьями, придав своей встрече с ними характер непредвиденной случайности. Но тут ей стало страшно, как бы Рошфор и в самом деле не устроил ей при всех сцену ревности. Она скрылась за купой кустарников и пропустила идущих. Они

были уже далеко, когда, выбравшись из своего убежища, она осторожно двинулась по их следам.

Ведь, должна же она рано или поздно остановиться. И если только Рошфор отойдет в сторону, она немедленно заговорит с ним. Она готова была выслушать самые обидные упреки, но с глазу на глаз, без свидетелей.

Они шли всё быстрее и быстрее, путанными боковыми тропинками, как бы избегая обычной дороги. Она с трудом попевала за ними.

Впереди за песчаными буграми, мелькнуло море. Ссылные остановились и стали осматриваться. Всё было пусто кругом. Солдат-часовой, в красных штанах, разморенный жаром, лениво плелся вдоль берега. Последние лучи заходящего солнца играли на дуле его ружья. Наконец, он исчез за поворотом. Теперь никого больше не было видно. Рошфор и его два товарища подошли к берегу и скрылись в кустарниках. Жервеза, по прежнему наблюдавшая за ними исподтишка, догадалась в чем дело, когда заметила сквозь зелень голые, смуглые плечи Грессэ. Очевидно, они собрались купаться. В этом не было ничего необыкновенного. И немного странным казался лишь необычно поздний час, выбранный ими.

Солнце окончательно село и, — как всегда под тропиками — тьма сгустилась с необычайной для умеренных широт быстротой. Слово театральный занавес над феерией, мрак опускался над пылающим заревом заката. Последние вспышки его еще зажигали пурпуровыми отсветами море, когда Рошфор входил в воду. Но когда Оливье Пэн, немного отставший, с разбега бросился за ними, лениво колыхавшиеся волны уже слились для глаза в однообразную, темную массу. А еще несколько мгновений спустя тьма сделалась густою и черной, так что Жервеза могла выйти на берег, не опасаясь, что ее заметят.

Смутное беспокойство вдруг охватило ее. С той стороны, где исчезли пловцы, не доносилось ни слова, ни звука. Слышно было только сонное бормотанье моря.

Звезды блестели кое-где. Но они исчезали одна за другой. Облачный покров становился все плотнее. Гроза надвигалась. Зеленоватая молния полыхнула на краю неба и некоторое время спустя донеслось рычание далекого грома. Грозы редки в Новой Каледонии. Но когда они все-таки случаются, то свирепствуют с необыкновенной силой. Жервезе сделалось страшно.

Воспользовавшись второй молнией, она взглянула на свои маленькие эмалевые часы. До отхода баркаса оставалось минут сорок, не более. Очевидно, нужно было спешить в поселок, т. к. в противном случае пришлось бы остаться на полуострове до следующего дня. Она уже готова была махнуть на все рукой и во что бы то ни стало дожидаться возвращения пловцов. Родители, конечно, приютили бы ее на ночь. Но вдруг она вспомнила, что на другое утро ей обязательно нужно быть в мастерской.

Предстояла спешная работа, — заказ, данный супругом одного из самых видных чиновников колонии. Кусая губы от досады, Жервеза побежала по берегу прямо к пристани и едва не опоздала. Баркас уже готовился отвалить, когда ее взяли на борт.

За время переезда настроение духа Жервезы окончательно испортилось. Знакомая, жена одного из ссыльных, работавшая в качестве прачки в Нумеа, рассказывала об акулах. Не далее, как сегодня утром они съели матроса, отплывшего слишком далеко от берега. Слушая эту историю, Жервеза глотала слезы. Не оставалось никакого сомнения в том, что акулы пожрали Рошфора. Иначе, почему он так долго не возвращался. И что за мысль купаться в столь поздний час да еще в такую погоду! Тут и без акулы можно потерять направление и погибнуть.

В самом деле погода портилась с каждой минутой. Гром гремел не переставая, и полнеба было охвачено блистанием молний. Первые тяжелые капли дождя упали на лицо и платье Жервезы, когда она выходила на берег. Но она успела промокнуть до нитки, прежде чем пробежала те несколь-

Промокшая Жервеза узнала
Гастона...

ко сот шагов, которые отделяли пристань от ее жилища.

Под навесом крыльца она заметила красную точку сигары. Ну, конечно, то был Гастон Ляпош, такой несносный при всей своей благовоспитанности. Она сразу узнала его по широкополой шляпе из манильской соломы и поздоровалась с ним весьма недружелюбно. Нельзя было не признать, что его посещение в эту глухую пору казалось совсем неуместным, тем более, что ма-

дам Клер
была в отъезде,
и Жервеза оставалась одна в квартире.

Но Гастон объявил, что спрятался здесь, отыскивая приют от дождя. Навес перед подъездом служил совершенно достаточным прикрытием, так что даже его щегольские, белые панталоны нисколько не пострадали. Правда, немного скучно было стоять здесь в темноте, словно столб, вытянувшись по швам и не имея возможности даже отставить ногу. Но если м-ль Жервезе угодно, он готов остаться в этом положении до самого утра.

Жервезе стало жаль его. Кроме того, гром, гремевший подобно канонаде, действовал ей на нервы. Она подумала, что довольно жутко покажется ей в полном одиночестве, в четырех пустых комнатах. К тому же, наконец, она уже не маленькая девочка, и в случае надобности всякого сумеет поставить на должное место. Если Гастон вздумает выйти из границ самой строгой корректности, она так его отделает,

что у него сразу пропадет охота быть слишком предприимчивым.

— Входите, сказала она, отпирая дверь своим ключом. Она впустила Гастона в маленькую столовую, зажгла лампу а сама направилась к себе в комнату и, закинув дверь на крючок, поспешно стала переодеваться. Он слышал, как упали на пол ее мокрые юбки. Сквозь тонкую, досчатую перегородку они отлично могли разговаривать.

И тогда, заглушаемая громом, при свете молний, сверкавших за окнами, она рассказала о сумасшедшей затее Рошфора. Ей нужно было как-нибудь излить мучившее ее волнение. Какая неосторожность! Купаться в такую ночь, когда море вдобавок кишмя кишит акулами. Жервеза искренно сердилась на Рошфора за беспокойство, которое он ей доставил, и, вместе с тем, жалела его. Ну, куда он поплыл? Зачем? Такой любезный и обаятельный человек. Такой талант! Подумать только, что в эту самую минуту акула, быть может, глотает его!

Следует воздать должное полицейскому нюху Гастона Ляпоша. Хотя он никогда не слыхивал о скалистом острове, на котором шлюпка, высланная капитаном Лау, командиром австралийского угольщика Р-С-Е, должна была принять беглецов, он сразу разгадал их план, весьма остроумный при всей его простоте. Но, вместе с тем, он был все-таки новичком в подобного рода делах. У него не хватило надлежащей выдержки, и он не сумел во время овладеть возбуждением, охватившим его. Своевременное раскрытие побега, да еще задуманного таким важным преступником, как Рошфор, открывало слишком блестящие перспективы: награды, внимание начальства, первый, самый трудный шаг по лестнице должностей... Голова его закружилась. Как тот крестьянин из сказки, который, увидя зайца, вдруг представил себе все выгоды, которые он может извлечь, поймав этого зайца, продав его на рынке, купив на вырученные деньги поросят и т. д. до собственного дома и поместья включительно, Гастон Ляпош одним взглядом оки-

нул открывшийся перед ним путь, завидный путь чиновника, достигшего высших ступеней по колониальному ведомству.

— Удрали! — вскричал он, готовый пуститься в пляс по комнате.

— Удрали? — радостно испуганным голосом подхватила Жервеза. — Но каким образом?

— Очень просто. Они уплыли в море и не вернулись в течение получаса; значит лодка ожидала их. Теперь они уже на корабле. Вот это ловко придумано.

Он был так взволнован, что не мог найти свою шляпу, которую только что положил на стул. Его трясла лихорадка.

— Вы... вы уходите? — спросила Жервеза, когда он, наконец, отыскал шляпу и решительным жестом нахлобучил ее на голову.

— Конечно, нельзя терять ни минуты.

— Но почему?

— Потому что они, конечно, уже на корабле и к утру могут выйти в открытое море.

— Значит, вы хотите их выдать?

— А то как же?

Они посмотрели друг на друга. Во взгляде Гастона было непритворное удивление. Неужели она не понимала, какое выгодное дело само давалось в руки?

И вдруг Жервеза поняла все. Ее глаза, за мгновение перед тем испуганные и недоумевающие, как глаза ребенка, внезапно сузились и стали непроницаемы. Она открыла дверь и вышла на середину комнаты.

— Вы идете? — спросила она совсем другим тоном — это очень умно с вашей стороны... Но зачем торопиться?

Лампа, стоявшая на столе, освещала ее всю. Ее влажные волосы были распущены. Двумя пальцами она придерживала расхолодившийся пенюар. Щеки горели. Она была похожа на свежее растение, спрыснутое дождем.

Она сделала несколько шагов вперед и положила руку на рукав Гастона.

— Зачем торопиться?

Он нетерпеливо отстранился.

Жервеза была похожа на свежее растение, sprayed дождем.

— Как зачем? они могут поднять якорь каждую минуту.

— В такую погоду? Это невысказано.

И правда, на дворе шумел ураган. Удары грома были немного реже, зато над морем разыгрался настоящий шторм. Дождевые капли, гонимые ветром почти параллельно земле, ударялись в оконные стекла, словно картечь. На живую нитку сколоченный домик вздрагивал до фундамента.

— Только полчаса... — сказала Жервеза медленно, особенным, певучим и низким голосом.

Гастон открыл форточку и выглянул наружу. Все кругом было мрак и вихрь. Несомненно, Жервеза была права: ни один моряк не рискнул бы рас-

пустить паруса при таком ветре. Если корабль с беглецами находился даже за пределами порта Нумеа, он все равно должен был бы до утра, а может быть и дольше дрейфовать в заливе, т. е. во французских территориальных водах. По роду своей службы Гастон хорошо знал все таможенные формальности. Обыск не поздно будет произвести и затра утром. А сторожевой крейсер в гавани всегда стоит под парами.

Жервеза все придвигалась. Гастон чувствовал, что пьянеет от запаха ее волос.

— Сегодня мы совсем одни... Мадам Клэр не вернется до послезавтра...

Он бурно обнял ее. Она не сопротивлялась и шепнула тихонько:

— Только полчаса...

Впоследствии ее воспоминания об этой ночи были спутаны и неясны. О Гастоне она думала с отвращением и ненавистью... Ей чудился Рошфор.

— Погоди... Эта ночь — особенная. Мы должны ее отпраздновать.

Она выскочила в столовую, достала из буфета бутылку с вином и два бокала. Потом, уверенной рукой, несмотря на темноту, пошарила в маленьком висячем шкафчике, где хозяйка держала лекарства. Там, вместе с запасами хины и муравьиного спирта, хранился белый порошок, разделенный на дозы. Жервеза сама помогала недавно насыпать в маленькие пакетики это сильное снотворное средство, к которому имела обыкновение прибегать мадам Клэр, страдавшая бессонницей. Найдя, что нужно, Жервеза не колеблясь всыпала тройную порцию порошка в один из бокалов, затем наполнила бокалы вином и вернулась в спальню.

— За эту восхитительную ночь. — сказал Гастон, галантно чокаясь с Жервезой.

Он осушил бокал до дна и наморщил лоб.

— Не люблю я этих австралийских

вин: всегда какая-то горечь чувствуется... А теперь прости, мне пора!

Не слушая ее протестов («Ведь было еще так рано!»), он стал собираться. Но она охватила его обеими руками, привлекла к себе и насильно повалила на постель. Он снова позволил себе забыться... Потом он заснул мертвым, свинцовым сном, похожим на обморок.

Тогда, выскользнув из его ослабевших объятий, она опять пробралась в столовую и оттуда в кухню. Позади шкафа с посудой она отыскала скатанную в клубок, довольно тонкую, но прочную джутовую веревку. Сделав предварительно две петли, она осторожно связала руки и ноги Гастона и прикрутила его к кровати. Потом его собственным фуляром завязала ему рот и, кроме того, стянула подбородок полотенцем. Большая часть его красивого, сытого лица исчезала под этими повязками. Она заботливо убедилась, что он имеет возможность дышать носом и потому не рискует задохнуться.

Гроза прошла и ветер ослабел. Тьма стала еще непроницаемее; но в стороне порта на кораблях мигали фонари.

Жервеза подумала, что никогда больше не увидит Рошфора. И уж, разу-

Жервеза связала руки и ноги Гастона...

меется, он никогда не узнает о той жертве, которую она принесла ради него. Не поверит, если бы даже она решилась все описать ему, со всеми подробностями. Мужчины так нелепо ревнивы и все они такие эгоисты. Она заплакала и долго сидела, совсем обессилив, не поднимая головы и не вытирая слез.

Потом она вспомнила, что совсем не одета, и поспешила разыскать свое платье. Для этого ей пришлось заглянуть в свою комнату. Гастон храпел лежа на спине. Лоб его был красен и покрыт потом. Она подвинула подушку ему под голову и накрыла простыней.

Плотно притворила дверь и заперлась в спальне у хозяйки. Опять долго и горько плакала.

Утром Гастон еще спал. Жервеза старательно замкнула все выходы из дома и направилась в магазин. Но работать отказалась, объявив, что у нее начинается лихорадка. И, действительно, ее трепал озноб от волнения и беспокойства.

Погода тем временем окончательно разгулялась, дул свежий ветер и угольщик Р-С-Е, подняв все паруса, уносился от страны рабства к берегам свободной земли.

После полудня Жервеза опять навела к себе в комнату. Теперь Гастон уже успел проснуться. Он лежал, страшно вращая белками и делая нечеловеческие усилия, чтобы освободиться от своих пут. Жервеза подошла к постели и еще раз скрепила узлы. Глаза Гастона метали огни. Он скрежетал зубами и все время порывался крикнуть. Но только глухое, невнятное гудение вырывалось из-под платка.

Наконец, утомившись долгой, напрасной борьбой, он закрыл глаза и остался недвижим. Жервеза вернулась в комнату хозяйки. Она ожидала.

Незадолго перед заходом солнца грянула сигнальная пушка. В городе поднялась суматоха. Военные патрули оцепили порт. Ждали, что во всех домах будут произведены обыски. Для колониального начальства побег Рошфора был настоящей катастрофой и грозил положить конец не одной счастливо начатой карьере.

Надвигалась самая жуткая минута. Предстояло освободить Гастона. Далеко не сразу Жервеза решилась на это.

Наконец, подойдя к постели, она быстро развязала руки своего пленника и отступила к порогу. Он сам ослабил узлы, стягивавшие его ноги, сорвал повязку со рта и вскочил во весь рост, страшный, всклокоченный, с помутившимся взглядом.

Он не говорил ни слова, так как горло его совсем пересохло. Жервеза молчала, потупившись.

Подойдя к ней вплотную, он закатил ей две оглушительных пощечины. Она прижалась к стене, закрывая ладонями мгновенно вспухшее лицо. Он еще несколько раз ударил ее по ногам носком сапога и вышел, подхватив свой пиджак. Он хотел бежать, чтобы эту негодяйку притянуть к ответу.

Но, сделав всего несколько шагов по улице, он уже успел остыть. Увы, все было потеряно безвозвратно! После этого стоило ли делать себя смешным, рассказывая, как женщина обманула его и спеленала, словно младенца?

Ругаясь и проклиная весь свет, он повернул обратно.

Рошфор счастливо добрался до Мельбуры и оттуда вернулся в Европу.

Жервеза осталась в Новой Каледонии и, после смерти своих родителей, в 1880 г. она вышла замуж за торговца бакалейными товарами.

СЛУЧАЙ В КИНЕМАТОГРАФЕ

Рассказ А. П. Горш.

Рисунки М. Я. Мизернюка.

Осень. Проливной дождь. Вечер...

Я лежал на диване.

— Видишь ли, Гаевский, — сказал я своему приятелю, — я знаю, что если я дал слово, то должен его сдержать. Но пойми же: куда к чорту мы пойдем? Уже поздно, а главное — отвратительная погода. На улице ни одной приличной собаки нет. Хорошо тебе — ты пришел в непросыхаемом, я хотел сказать — в непромокаемом пальто и дождь для тебя — что гусю вода, а обо мне и как я пойду — ты замалчиваешь. Освободи-ка ты лучше меня на сегодня от моего слова и давай поговорим о чем-нибудь.

Гаевский посмотрел на меня с плохо скрываемой и еле сдерживаемой яростью и сказал:

— Но, ведь, ты отлично знаешь, что сегодня идет последняя серия «Похититель бриллиантов». Через сорок минут в «Коллизее» начнется последний сеанс и если мы сейчас не пойдем, то развязки этой картины мы не увидим никогда, потому что картина уедет в провинцию, и не увидим благодаря тебе.

— Нет, это чорт знает что такое, — вдруг вскипятился он, — да ты из рафинада, что ли? Растаешь, если вымокнешь раз?

— Голуба моя, да я развязку тебе наперед всю расскажу, как и самую картину мог бы рассказать, не видя ее

совсем. Герой, героиня, несколько штук подлецов. Таинственная личность в маске. Герой и героиня попадают в разные неприятные истории и ловушки, расставляемые подлецами и друг-друга выручают. Если же им самим это не под силу, то на помощь приходит благожелательно настроенная к ним и таинственная личность в маске, которая и выручает их. Потом герой или героиня находят клад или получают наследство, благополучно женятся, а подлецов сажают на электрический стул. Вот и все. Вообрази, что видел окончание «Похитителя бриллиантов» и успокойся. Сядь и поговорим о пятнах на солнце. Я слышал, что их можно вывести патентованным средством, изобретенным...

— Да ты что, смеешься, что ли или шарики из головы растерял? Поди ты к чорту со своими пятнами, из за тебя последний сеанс прозеваешь, знал бы лучше не приходил. — Свирепо проговорив последние слова, Гаевский вышел, хлопнув дверью.

«Совсем раскипятился парень» — подумал я. «Ну, ничего, по дождю пройдет, живо остынет. А все-таки, пожалуй, он этого не забудет и при случае мне от него здорово достанется. Как бы его умиловить?» — раздумывал я. Думал, думал и ничего не придумал. «Видно, один выход — нагнать его и итти вместе».

Потягиваясь и еле сдерживая зевоту,

я поднялся с дивана, наскоро оделся. При свете газовых фонарей на улице я увидел быстро шагавшую фигуру моего приятеля.

— Гаевский! — закричал я, стой, чорт! Иду.

— Давно бы так, — огрызнулся он. — А то — «поговорим о пятнах». Тоже придумал... — уже совсем успокоившись добавил Гаевский.

Видно изрядный дождик его в некоторой степени охладил, так как я, зная его характер, ожидал обильного словоизвержения, а может быть и неуместных размахиваний руками. К счастью, все обошлось мирно.

В это время подул сильный ветер и дождь усилился. Мое промокаемое пальто оправдало свое назначение и стало промокать. Чтобы несколько предохранить себя от воды, заливавшейся за шиворот, и брызг в глаза — я поднял воротник и надвинул кепку поглубже.

— Гаевский!
стой, чорт!
Иду. —

— Ну, брат, ты иди впереди, а я за тобой, а то я теперь не особенно хорошо разбираюсь, где нахожусь, и не дай бог еще кого-нибудь с ног сшибу.

— Да уж ладно, довольно из себя казанскую сироту строить, — буркнул Гаевский.

Имея впереди хорошего, хотя и несколько свирепого проводника, я вполне на него положился и шел почти совершенно закрыв надвинутой кепкой глаза, так как дождь в это время еще более усилился. Но дождь этот был очень странный: несмотря на то, что он был сильный, брызги его были мелки, как пыль, и совершенно застилали глаза. Шли мы уже минут 15, хотя даже при медленном шаге до «Коллизея» было максимум 10 минут ходьбы. Я приписывал это тому, что при дожде мы двигаемся несколько медленнее, однако, через минуту, я услышал сквозь водопад дождя голос Гаевского, в котором слышалось плохо скрываемое раздражение.

— Ты! не знаешь, какого чорта нужно здесь этому переулку?

Услышав эту фразу, так причудливо настроенную, я, не приоткрывая глаз, спросил:

— Ты хочешь сказать, какого чорта нам нужно в этом переулке? Но разве ты забыл, что мы по твоему желанию идем в кинематограф?

— Ах, отстань, пожалуйста «по твоему желанию, по твоему желанию»... И тебя спрашиваю: каким образом Глинищевский переулок очутился на Чистых прудах?

Услышав это невероятное сообщение, я решился открыть глаза. Действительно, это был Глинищевский переулок, я его сразу узнал, так как несколько лет тому назад жил там. Но это же нелепо: от меня Глинищевский переулок, по крайней мере, в полчасе езды на прямом трамвае, а тут мы его достигли через 15 мин.

Настала моя очередь подшипить Гаевского на законном основании.

— Вот! Нелзя и глаз закрыть. Впрочем, я должен был заранее знать, что ты меня заведешь к чорту на кулички. Доверился!! Как только мы в

такую
погоду
домой
пойдем?
Ни одного
извозчика, не
говоря уже о
том, что трамвай
к тому времени...
— Не хнычь. Я
тебя не ташил. Сам
навязался.

Вот это мило! Я же оказывается и виноват. Не найдя, что возразить на этот обидный упрек, я промолчал и мы продолжали путь в прямом направлении. Увидев вдали яркое освещение, мы направились туда; оказалось мы вышли каким-то образом на Триумфальную Садовую. На месте театра Вс. Мейерхольда стояло расцвеченное яркими полуваттными лампами здание кинематографа «Колизей». Что это был «Колизей» — в этом не могло быть никакого сомнения. Там и тут были расклеены яркие плакаты, изображавшие захватывающие сцены из серийной драмы американского киноромана «Похититель бриллиантов». На меня плакаты действуют притягивающим, прямо гипнотическим образом. При виде их во мне тотчас же загорается непреодолимое желание увидеть и ту драму, эпизоды которой они изображают. Так и тут. Несмотря на всю неприятную перспективу в недалеком будущем, часа через два-три, возвращаться пешком домой, я без колебаний вошел за Гаевским в освещенный подъезд «Колизея».

По некоторым соображениям и не

желая окончательно портить себе и без того испорченное настроение, я не обратил внимания на цены местам, предоставив Гаевскому заняться этими пустяками и приобрести билеты (я знал, что плохие места он не долюбляет и в этом отношении был спокоен).

Когда мы вошли в фойе, меня рассмешили находившиеся там граждане. Они имели вид облитых водой кошек или в конце промокших куриц. И до какой степени непривлекательно действует проливной дождь даже на приятных гражданок.

Стулья в фойе были все заняты,

Буфет торговал во всю.

— Давай, голубчик, выпьем чайку, погреемся, да по парочке пирожных... предложил было я Гаевскому.

— Возьми, да пей, если тебе нужно, — как бульдог пролаял он.

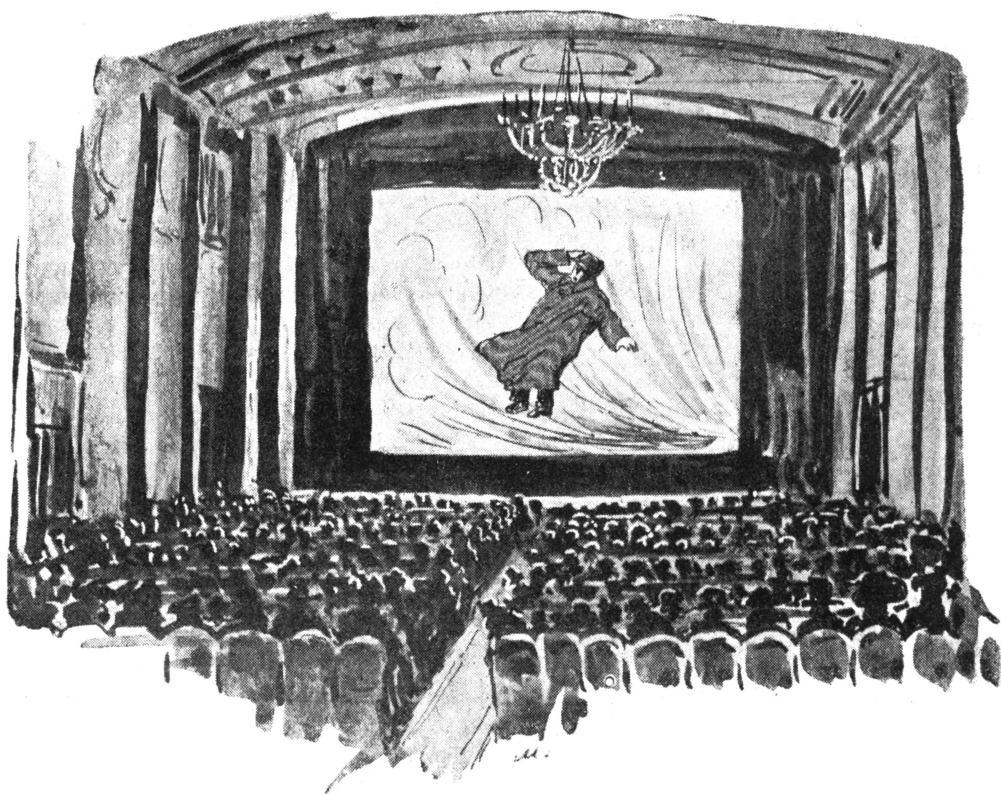
«Видимо на его нервную систему скверно подействовала сегодняшняя дислокация московских улиц» — подумал я.

Желая узнать, как подействовало это необычное явление на психику других посетителей кино, я выбрал одного гражданина, наиболее добродушного по виду, подошел к нему и, извинившись за беспокойство, спросил:

— Скажите, пожалуйста, почему этот кинематограф, находившийся до сих пор на Чистых прудах, сегодня находится здесь?

Гражданин широко раскрыл глаза, посмотрел на меня так, как будто он сомневался в моих умственных способностях и, несколько ускорив шаги, стал продолжать хождение по фойе, так ничего мне и не ответив. Две девицы, слышавшие мой вопрос этому гражданину, не сдержались и фыркнули. Я постарался бросить на них уничтожающий взгляд. Не знаю, насколько это мне удалось, знаю только, что и после этого они продолжали свое бессмысленное хождение.

Оркестр играл мелодии, не сулившие ничего хорошего слушателям. «Господи», — тоскливо думал я, «чем-то все это кончится? Идет невероятный дождь, здания по своему собственному

Вдруг я ощутил, что поднимается вихрь на подобие циклона, в центре которого нахожусь я...

желанию переходят с места на место и никто на это никакого внимания не обращает... И даже в моих умственных способностях сомневаются... Что же будет дальше?»

Затрещал звонок и прервал мои размышления. Публику стали впускать в зрительный зал, великодушно позволяя занимать места, согласно купленным билетам.

Последняя серия «Похитителя бриллиантов», как возвещала афиша, заключала в себе 12 частей и, вероятно, предполагалось изрядное число душевраздирающих сцен, так как пианист заранее придвигал поближе фисгармонию, для иллюстрации наиболее ужасных моментов.

Мы с Гаевским отвоевали себе хорошие места и уселись, ожидая за свои денежки получить полное удовольствие.

Но лучше было бы, если бы в тот вечер я совсем не выходил на улицу,

не поддавался бы настойчивым зазываниям Гаевского и не приходил в этот злосчастный кинематограф смотреть окончание «Похитителя бриллиантов», ибо то, что случилось со мной через 20 минут, вероятно, никогда и никому не приходилось, да и вряд ли придется пережить.

Потухло электричество, затрещал кинематографический аппарат, промелькнули действующие лица и содержание предыдущих серий и начался последний этап похождения знаменитого «Похитителя бриллиантов», похождения, обильно пересыпанных головокружительными трюками.

Первая часть подходила к концу и заканчивалась следующим трюком: «Похититель», стащивши высокой ценности бриллиант и спасаясь от преследований, вылезает на крышу небоскреба и так как оттуда прыгнуть некуда, видит телефонный провод, становится на него и, слегка покачиваясь, идет

над улицей на высоте 50-ти-этажного дома. Внизу видны проезжающие автомобили, трамваи и вообще уличное американское движение. От такого трюка у меня захватило дыхание и пересохло в горле. Часть на этом закончилась и на несколько секунд вспыхнуло электричество. Но прошла минута и другая, а вторая часть не начиналась.

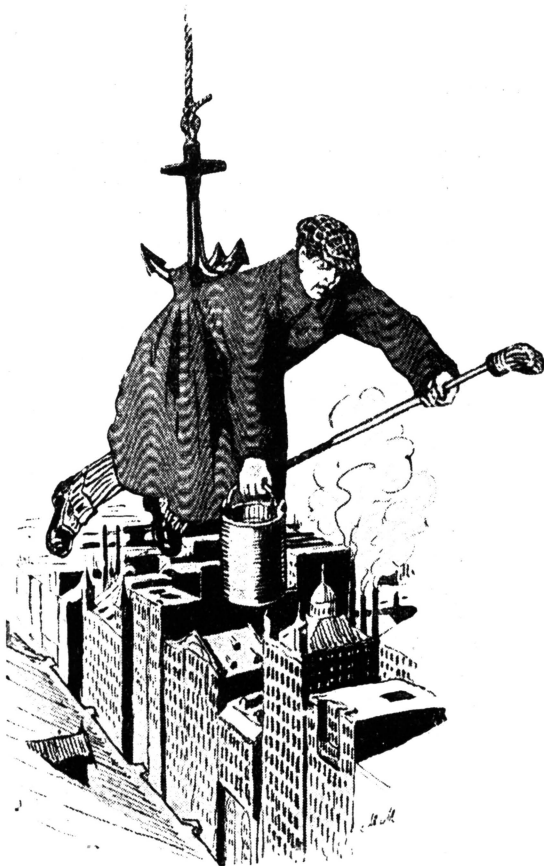
Проведя языком по запекшимся губам, я сказал:

— Гаевский, ты постереги мое место, а я пойду в буфет и чего-нибудь выпью.

Так как он был человек вообще неразговорчивый, то для экономии слов, вероятно, решил, что молчаливого согласия будет вполне достаточно, чем я и воспользовался.

Предупредив контролера, что я сейчас возвращусь, я направился в буфет и, не помню что, знаю, что какую-то гадость, выпил.

Когда я возвращался обратно, то в зрительном зале было уже темно и 2-я часть началась. Итти мне пришлось мимо экрана и я инстинктивно нагнулся, чтобы не затемнять картины, хотя экран был достаточно высоко. Вдруг я ощутил, что поднимается какой-то вихрь, на подобие циклона, в центре которого нахожусь я, и свнезапной силой я был поднят и очутился... нет, вам никогда не догадаться, где я очутился... На экране! Я, живой человек, и каким-то непонятным, совершенно научно необъяснимым образом, очутился на экране. В первую минуту я ничего не мог понять — что со мной и где я. Но по тому, что все было однообразного черно-серого цвета, все двигалось с бешеной быстротой, и притом оглянувшись во все стороны, я увидел черное пространство, а в нем, приглядевшись пристальнее — тьму человеческих голов, — и тогда, по природной своей догадливости, я понял, что я странным образом перенесен на экран, а черное пространство — это зрительный зал. Первым моим движением было прыгнуть туда, откуда я был поднят, но, сделав движение для прыжка, я остался на том же месте.

Я летел по воздуху, вися на канате, с ведром краски и большой кистью в руках...

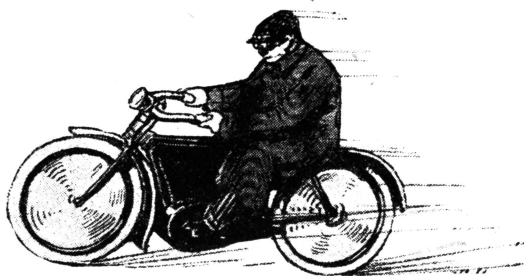
Очевидно, это было два мира, между которыми никакого сообщения, кроме зрительных ощущений, не существовало. Я посмотрел на то место, где я перед этим сидел в зрительном зале — оно было пусто. У Гаевского, насколько я мог рассмотреть его физиономию, освещенную отблеском экрана, выражение было не обеспокоенное, а несколько удивленное. Потом я догадался, что он не мог предположить по своей недалекости (да вряд ли и кто-нибудь вообще мог предположить) того, что случилось, и поражался невероятному сходству меня со мною же самим.

Однако, что же делать? Я осмотрелся вокруг. Передо мной была какая-то дикая местность, долженствующая изображать, очевидно, американские прерии, а может быть и еще что-нибудь (в америнских названиях, должен сознаться, я разбираюсь плохо). Немного впереди пропасть, а над пропастью веревочный мостик. Я пожал плечами, со-

вершенно не зная, что предпринять. Звуков никаких — ни из внешнего мира (я разумею зрительный зал с музыкальной иллюстрацией на пианино и зрителями первых рядов, всегда шумно и неподдельно выражающими свой восторг перед замысловатыми трюками), — ни из местности, расстилавшейся передо мной — не было слышно. Но вдруг вдали я заметил какое-то пыльное облако. Ко мне во весь опор мчался мотоциклист. Подъехав ко мне, он снял маску с очками и в нем я узнал самого «похитителя»! «Вот так штука» — поразился я, — «с кем лицом к лицу пришлось свидеться. «Похититель» подошел ко мне и протянул руку, с тем, очевидно, чтобы поздороваться. Я с некоторой опаской протянул свою. В это время зрительный зал от меня чем-то закрылся. Оглянувшись через плечо я увидел экранную надпись, только все слова в ней были шиворот на выворот, но так как надпись была не особенно длинная, то я успел ее прочитать. Она содержала приблизительно следующие слова:

**«ПОХИТИТЕЛЬ» ВСТРЕЧАЕТ
СЛУЧАЙНО СТАРОГО ДРУГА
ДЖИМА, КОТОРОМУ ОТДАЕТ
ЧАСТЬ БРИЛЛИАНТОВ И ЗА-
ПИСКУ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ СО-
ОБЩНИКАМ.**

«Ага, вот в чем дело» — начал догадываться я, «значит я — Джим». Ладно, будем действовать так, как подсказывает чутье». «Похититель» отдает мне свой мотоциклет, а сам бежит к

Я ехал так, что мне позавидовал бы первоклассный мотоциклист.

мостику, перебирается на ту сторону пропасти и там обрубает веревки, мостик повисает в воздухе, сообщение между обеими сторонами пропасти прервано.

Я до того времени имел очень смутное понятие об устройстве мотоциклета, но тут, надевши автомобильные очки, оставленные «Похитителем», я уселся на мотоциклет и пустил его в ход так, как будто всю жизнь только тем и занимался, что ездил на мото. Уезжая, я бросил взгляд назад: вдали, откуда недавно выехал «похититель», показалось опять облако пыли. Очевидно, это была погоня. Я решил во избежание неприятных столкновений и осложнений удирать во всю. Пустил мотоциклет во весь дух и по всем извилистым тропинкам ехал так, что мне позавидовал бы первоклассный мотоциклист. Случилось и мне переехать через такой же перекидной мостик, по которому несколько минут тому назад перабрался «похититель» (зачем он это сделал — для меня осталось загадкой). Подражая ему, я также перерубил веревки валявшимся острым камнем и во весь опор двинулся дальше.

Пожирая пространство на мотоцикле, я все же не переставал думать о том, что случилось со мной. Самое ужасное было то, что я не слышал ни одного звука — царствовала мертвая тишина. Но я двигался, следовательно, я сам не был мертв, я был жив. Но достаточно было неверного поворота мотоцикла и я мог свалиться и свернуть себе шею. Вслед за этим мне в голову пришла еще более ошеломляющая и ужасная мысль. «Ведь, я жив, т. е. нахожусь в движении только до тех пор, пока не кончилась вторая часть, а коль скоро она кончится, вместе с ней кончусь и я, и, вероятно, исчезну навеки. А этот идиот сидит там в партуре и ничего не подозревает и ничего не предпринимает, дивясь поразительному сходству меня со мной самим же. Хотя, в сущности, — была моя дальнейшая мысль, — что он может сделать? Закричать, что на экране живой человек? Никто этому не поверил бы. Остановить демонстрацию картины? Это было бы хуже для меня же».

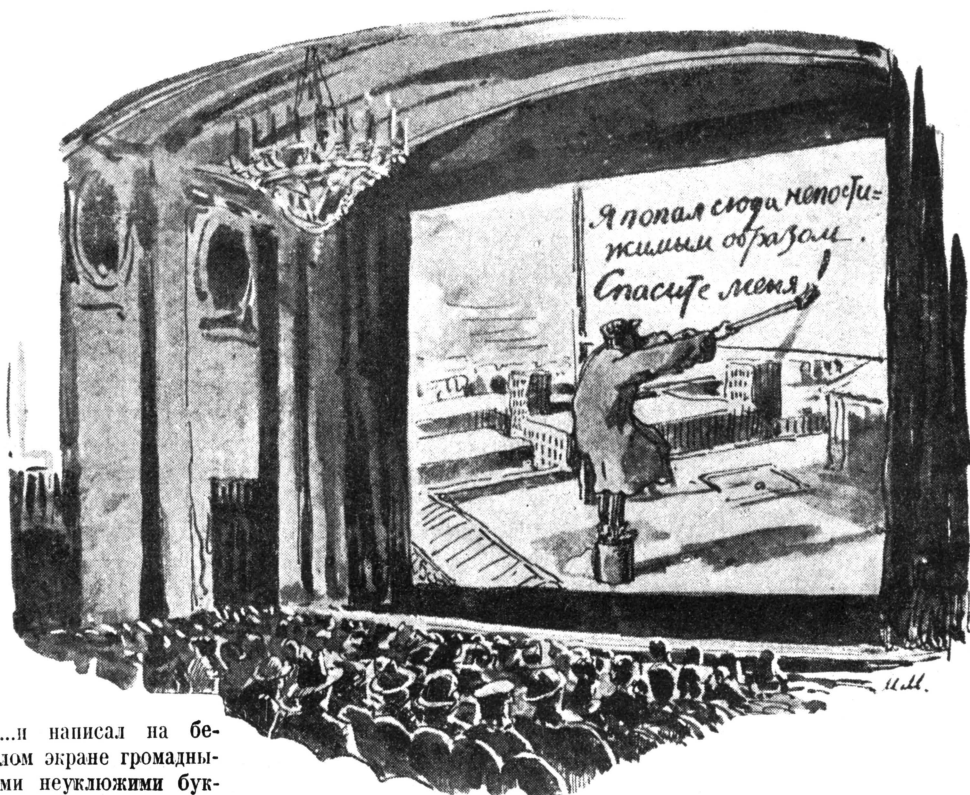

Когда я неминуемо должен был стукнуться об стену, пилот опомнился.

Местность вокруг меня сменялась с быстротой курьерского поезда и вот я уже въезжал в предместье города. С трех сторон я видел окружающую меня кинематографическую обстановку и с четвертой зрительный зал кинематографа, то уменьшающийся, то увеличивающийся, смотря по тому, насколько я к нему приближался. Вдруг я заметил в небе какую-то точку, постепенно увеличивающуюся. «Аэроплан» — мелькнула мысль. — «Очевидно, дали знать по телефону в город и для моей поимки выслали эту птицу». Так как мы мчались друг другу навстречу, то расстояние между нами быстро сокращалось. И вот аэроплан, не рассчитавши своей скорости, быстро пролетел надо мной. Это удачно, пронесло. Только бы добраться до больших улиц города, а там я в безопасности» — мелькали мысли. Но не тут то было. Аэроплан повернул обратно, нагонял меня и перегалял. Тут я с ужасом заметил, что с него свешивался четырехконечный якорь на длинном канате, волочившийся почти по земле. Очевидно, в первый раз ему чуть-чуть не удалось меня задеть (мне думается, что наверху предполагали, что я и есть «похититель»), но «чуть-чуть» не считается, и аэроплан опять отстал и вдруг я почувствовал, что якорь зацепился за хлястик моего пальто и снял меня с мотоциклета, который сам собой поехал дальше. Я бросил взгляд в зрительный зал и увидел там физиономии, широко расплывшиеся в улыбки. Очевидно, им это казалось очень смешно. Конечно, хорошо сидеть на удобных стульях и смотреть, а каково было мне, когда хлястик мог каждую секунду

оторваться! Пролетая над какой-то крышей, которую красили маляры, я отчаянно замахал руками, чтобы за чтонибудь схватиться и, лети аэроплан на поларшина ниже, мне это удалось бы, но руки мои схватили ведро с краской и кистью и больше ничего сделать не удалось. Я летел по воздуху, висая на канате, с ведром краски и большой кистью в руках, видя внизу большой город с многочисленными зданиями, а перед собой — ну, вот-вот только руку протянуть — зрительный зал с физиономиями, посиневшими от смеха. Не спорю, зрелище, вероятно, было очень смешное, но, повторяю, мне было не до смеха. Показалось какое-то здание, выделявшееся из ряда других, приблизительно на половину, своей вышиной. На крыше этого здания помещался большой экран. Это многоэтажное строение должно было стать причиной моей смерти, так как я несся прямо на него. Пилот или хотел меня расшибить на смерть или просто замечтался. Когда я должен был неминуемо стукнуться об стену, пилот опомнился, канат дернулся вверх и я пролетел над зданием, выпустил из рук ведро с краской и кисть и ухватился за решетку, окружавшую крышу. От сильного толчка хлястик у пальто оторвался и я остался лежать на крыше. Вскоре аэроплан улетел далеко, превратился в точку и, наконец, совсем скрылся, может быть, и не подозревая того, где он меня посеял. С этой стороны опасность миновала.

Нужно было что-нибудь предпринять и хотя сначала обследовать то место, где я очутился. Это была крыша шагов по 40 в длину и в ширину, с установленным на ней экраном внушительных размеров, очевидно, для световых реклам. Уйти отсюда можно было единственно только через люк на чердак, но дверца этого люка оказалась плотно запертой изнутри. Я кинулся в другой конец крыши, где виднелась какая-то будка. Но это оказалось будкой для демонстрации светорекламы, в которой все было разломано (очевидно, демонстрация была ликвидирована) и выход из нее был только на крышу. Хуже этого положе-

...и написал на белом экране громадными неуклюжими буквами...

ния трудно что-нибудь придумать. Едва ли кто-нибудь сюда заглянет, а выхода отсюда нет никакого. Ходя по крыше и раздумывая, как мне быть — я чуть было не споткнулся о ведро с краской, которое я, сам того не желая, стащил у маляра, красившего крышу. Кисть лежала несколько в стороне. Блестящая мысль пришла мне в голову. Схвативши кисть, я обмакнул ее в краску, опрокинул после этого ведро, каким-то чудом до сего времени сохранившее в себе краску, встал на него, чтобы быть несколько выше и написал на белом экране громадными неуклюжими буквами (тут было не до красоты):

Я ПОПАЛ СЮДА НЕПОСТИЖИ-
МЫМ ОБРАЗОМ.
СПАСИТЕ МЕНЯ!!!

Писалось это, в сущности, для Гаевского, так как я надеялся, все-таки, что он поймет и предпримет что-нибудь. Желая полюбоваться на произведе-

ние рук своих, я вздумал вновь прочитывать и обомлел: надпись была сделана по английски, что-то вроде:

I DIED HERE IN INCOMPREHENSIBLE MANNER.
SAVE ME!!!

Это была для меня большая неприятность. Гаевский английского языка не понимал. Я взглянул в сторону зрительного зала. У всех были недоумевающие лица. Вслед затем зрительный зал закрылся от меня экранной надписью, заключавшей именно те слова, которые я хотел написать по-русски: «я попал сюда непостижимым образом. Спасите меня!!!».

Когда надпись исчезла — я взглянул в зрительный зал.

Я увидел там мертвый гомерический хохот. Мертвый, ибо я его не слышал. Мертвый, потому что он леденил мою кровь.

Ах, зачем все это кончилось? Почему это так прозаически кончилось?

С удовольствием вспоминая все эти невероятные приключения, каждую минуту грозившие мне смертью, я вздыхаю с сожалением и мне хочется верить, что на свете есть много непонятого.

Кончилось это так:

Около меня стоял все тот же Гаевский, кулаком в бок энер-

гично сигнализировавший мне, что он говорит, что солнечные пятна...

явился из кинематографа и что спать в его присутствии он мне не позволит.

— Ну, что — был? — сонно спросил я его.

— Был.

— А меня ты там не видел?

— А у тебя все шарики на месте?

— Чем кончилось?

— Она вышла за него замуж.

— Я же тебя предупреждал. Ну, ладно. Так я тебе начал

ЧУДЕСА КИНО.

Кинематограф со своими удивительными «чудесами»-трюками — является одним из любимейших развлечений современного человечества. Но было бы большой ошибкой видеть в «Великом Немом» только забаву. Кино все больше и больше занимает подобающее ему место в науке и технике. Он буквально проливает свет во многие темные и доселе недоступные для человеческого познания области.

Благодаря кино мы знаем теперь весь ход процесса превращения куриного яйца в цыпленка, произрастание семени, размножение бактерий и проч.

Соединение рентгеновского просвечивания с кино дает нам яркую картину движения пищи в пищевode, сокращения желудка и кишок и т. д.

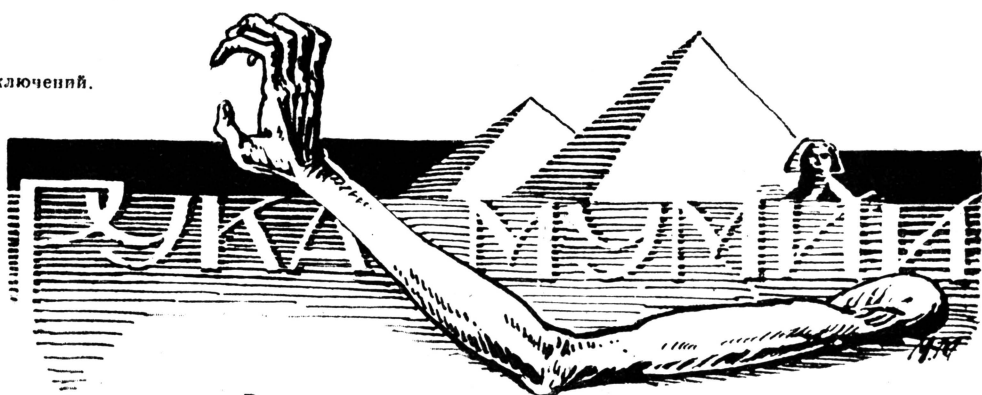
Деформация материалов, имеющая такое большое значение в инженерном деле, становится наглядной при кино съемке и создает благоприятные условия для самых точных вычислений и расчетов.

Кино съемки местностей, где нет хороших или никаких планов, например, в Сибири, Азии, Африке дают возможность во время полетов делать изумительно точные планы.

Даже новая философская теория относительности Эйнштейна легко усваивается и доказывается при помощи кинематографа.

Трудно перечислить все нынешние применения кино. Но и сам он не достиг своего полного развития, и уже не далеко то время, когда его перестанут называть «немым». Три немецких изобретателя — Фохт, Массолэ и Энгль решили великую задачу соединения кино со звуком. На одной и той же ленте снимается картина и звуковые колебания, предварительно трансформированные в световые при помощи новых приборов, которые изобретатели назвали «электрическим ухом» и «электрическим глазом». Новые говорящие фильмы уже демонстрируются в Европе и поражают полной иллюзией соответствия звука и движения.

Какой живой памятник создают себе великие люди. Отдаленные потомки будут и видеть воочию, и слышать своих великих предков. Даже каждая семья может сохранить голос и движения своих прадедов. Поистине мы близки к посмертному существованию!

Рассказ
Петра Аландского.

Рисунки М. Михайлова.

... — Убийство Роберта Дойля, знаменитого английского ученого! По подозрению арестован доктор Уильсон!

Кричали газетчики утром 24 июня 1906 года на улицах Лондона.

Газеты покупались на расхват, но никаких подробностей происшествия в газетах не было. Сообщалось только, что убийство Дойля было совершено в его собственной вилле и обнаружено поздно вечером 23-го и что арестован по подозрению друг покойного, хорошо известный в Лондоне доктор Уильсон. Рядом с трупом Роберта Дойля лежал опрокинутый несгораемый шкаф. Когда полицейские подняли шкаф, под ним оказалась разможенная, совершенно сухая кисть человеческой руки. У стены на столе, приспособленном для анатомических работ, был найден обнаженный труп мужчины. Он был, как это выяснило предварительное следствие, вывезен Дойлем 22-го из Центрального морга для научных работ.

Дело было поручено опытному следователю Джемсу Джекингу, который немедленно и приступил к допросу доктора. Доктор, решительно отрицая свою виновность, давал такие странные объяснения, что следователь счел необходимым подвергнуть его экспертизе психиатров. Но психиатры признали доктора психически нормальным, причем, однако, засвидетельствовали, что нервная система доктора чем-то сильно потрясена.

И 2 июля 1906 года доктор Уильсон предстал перед судом.

Большая зала суда была полна самой фешенебельной публикой. Присутствовало немало представителей и научного мира: доктор имел прекрасную практику в аристократических кругах, а Дойль был хорошо известен своими трудами лондонским ученым. Он прославился замечательными открытиями по вопросу о древне-египетских способах бальзамирования.

Еще не окончив своего труда, Роберт Дойль сделал несколько интересных докладов по этому вопросу и пришел к таким неожиданным выводам, что об его трудах заговорили ученые всего мира.

Окончания его работы ждали с нетерпением. Но вдруг Роберт Дойль оставил шумный Лондон и переехал в свою загородную виллу, где у него была небольшая, но хорошо оборудованная лаборатория. Этому отъезду не очень удивились, — Роберт Дойль слыл большим оригиналом. Он и в Лондоне жил очень уединенно, редко выезжал и к себе принимал только немногих друзей, из которых самым близким был доктор медицины мистер Арнольд Уильсон.

Допрос старого слуги Георга, который служил у Дойля около 15 лет, разочаровал публику, — ничего ценного не сообщил. Георг рассказал только, что около 10 часов вечера, проходя мимо кабинета, услышал смех мистера Дойля. По его словам, смех был какой-то странный, — такого он никогда не слышал.

В недоумении он простоял около дверей несколько минут, затем направился к себе. С полчаса он пробыл в вестибюле и вдруг из кабинета раз-

дался душераздирающий крик. Чей это был голос, он разобрать не мог. Вне себя от ужаса кинулся он к кабинету. В этот момент раздался грохот, как бы от падения чего-то тяжелого, а затем резкий звонок...

Когда он вбежал в кабинет глазам его представилась страшная картина... Посреди комнаты лежал с посиневшим, перекошенным лицом труп его хозяина... Около него был опрокинут тяжелый несгораемый шкаф, в котором покойный хранил свои бумаги.

За шкафом, прижавшись к стене, стоял бледный, как полотно, с искаженным лицом доктор Уильсон. Повидимому, позвонил он, так как больше никого в комнате не было. Доктор задыхающимся голосом попросил скорее вызвать полицию, что Георг и сделал немедленно.

Вот и все, что он знал.

После показания полицейского, председатель суда дал слово обвиняемому.

Доктор был бледен. Он тихо поднялся и медленным взглядом окинул собравшуюся в зале публику.

Он заговорил:

— Господа! Меня обвиняют в убийстве моего друга Роберта Дойля! Я невинен! Не я совершил это преступление... это даже не преступление... это... какой-то бред!.. кошмар!

Я вам расскажу все по порядку и клянусь, что мой рассказ будет правдив.

23 июня, так около 8 часов вечера, Роберт Дойль позвонил ко мне по телефону. Он настойчиво требовал, чтобы я к нему немедленно приехал. Я забыл еще сказать, что в тот же день он позвонил ко мне еще утром, но меня не было дома. Я очень устал после работы и хотел отдохнуть, но Роберт так меня просил, что я оделся и вышел из дому.

Приблизительно через час я был у него.

Георг, открывший мне дверь, помог мне снять пальто и провел в кабинет. Когда я вошел к Роберту, он бросился ко мне с такой стремительностью, что я невольно отступил назад. Меня по-

разило его лицо. Таким я еще никогда его не видел. Всегда спокойный и корректный, он стоял передо мною кое-как, неряшливо одетым, с растрепанными волосами, с лихорадочно горящими глазами.

Он протянул мне обе руки и сказал:

— Благодарю... благодарю... я так боялся, что ты не придешь!.. Ты мне сейчас так нужен... так нужен!..

Удивленный я пожал ему руку и сказал:

— Помилуй Роберт, к чему благодарить?!.. Я терялся в догадках, что могло случиться с Робертом.

— Не говори, не говори!.. — хватая меня за рукав, точно боясь, что я уйду, быстро проговорил он, — я знаю, как тебе было трудно приехать, но ты... не расквасишься!.. Ты даже придешь в восторг!.. Он рассмеялся сухим, нервным смехом, и быстро зашагал по комнате странной, колеблющейся походкой.

Я опустил в кресло, продолжая с изумлением глядеть на моего друга. Я не спускал с него глаз и ровно ничего не понимал.

Роберт все ходил по комнате и молчал, погруженный в свои думы.

Я подошел к нему и сказал:

— Успокойся, дорогой Роберт! Расскажи мне лучше, что случилось? Зачем ты меня звал?

Роберт остановился и, посмотрев на меня, сказал торжественно:

— Арнольд! Я сделал такое открытие, которое должно увековечить мое имя!

Он опять замолчал, пристально глядя на меня. Я с тревогой посмотрел на него. «Не сошел ли он с ума?» мелькнуло у меня в голове. Однако, я ему ничего не сказал и только повторил свою просьбу сказать, в чем состояло его открытие. Роберт сел в кресло.

— Ты, конечно, знаешь, Арнольд, что я заинтересовался способом балламирания и для своих работ приобрел с трудом, за колоссальные деньги, две мумии. Увлечшись этими занятиями, я принужден был попутно заниматься: химией, физиологией и другими близко стоящими к моей работе

науками. Я совершенно случайно обратил внимание на способы оживления сердца и других тканей на короткий срок различными химическими реагентами вроде составов — Локка, Лангендорфа и других. Я решил в свободное время повторить эти опыты. Произведя целый ряд последних, я убедился в их огромной важности. Ты, может быть, помнишь, что можно заставить сердце млекопитающихся некоторое время сокращаться, погрузив его в тот или иной состав? — вдруг прервав свой рассказ, спросил Роберт.

Я утвердительно кивнул головой.

— Ага! Ты помнишь? Ну так знай!.. Роберт поднялся и с гордостью посмотрел на меня. — Я сделал большее... Я могу оживить человека...

Я невольно поднялся с кресла. Теперь я был почти уверен, что мой друг помешался.

— Что с тобой? Ты говоришь невозможные вещи! — сказал я как можно спокойнее. Роберт ничего не ответил. Глаза его сверкнули. По бледному лицу пробежала легкая судорога.

— Итак, по твоему это невозможно?.. Это невероятно? — волнуясь, заговорил он. — Я докажу тебе, что ты ошибаешься!.. Ты сию минуту собственными глазами убедишься в истине моих слов. Но прежде, чем оживить вот этого субъекта, — при этих словах он сорвал простыню с длинного предмета, лежавшего на столе за нами. И я невольно вскрикнул: на столе лежал обнаженный труп мужчины. Роберт продолжал:

— Итак, прежде, чем оживить его, я воскрешу вот эту руку. Он, не торопясь, вынул из небольшого ящичка, стоящего на его письменном столе, сухую кисть руки с длинными, тонкими пальцами и крашеными ногтями.

— Не знаю, как сегодня, а вчера этот опыт удался! — сказал Роберт и помолчав, продолжал торжественным голосом:

Эта рука принадлежала фараону Абистриксу XIII, мумия которого находится у меня. Он жил более чем за 5,000 лет до Р. Х. Этот фараон был известен своей жестокостью. Он заду-

шил, между прочим, вот этой самой рукой, своего отца и свою мать.

Я с ужасом смотрел на сухую руку мумии и на Роберта.

— Я оживлю ее вот этим составом!.. Составом, открытым мною и рецепт которого знаю только один я! С этими словами Роберт высоко поднял к лампе пузырек с бледно-зеленого цвета жидкостью. Лучи света упали на нее и она засверкала изумрудным цветом.

— Я вчера вспырынул слишком мало, и рука едва шевелила пальцами. Сегодня я утрою порцию.

С этими словами Роберт достал шприц, наполнил его своей таинственной жидкостью и осторожно ввел иглу шприца в высохшую вену мертвой руки.

Прошло несколько минут... Было тихо... Мы ждали... И вдруг... мне почудилось... Я почувствовал, что мои волосы поднимаются у меня на голове... рука мумии вздрогнула... что-то пробежало по ней. Она шевельнула пальцами. Мы молчали. Я хотел встать, подойти к Роберту, пожать ему руку, поздравить с этим величайшим открытием, но вместо того я откинулся на спинку кресла и не мог свести глаз с этой чудом вызванной к жизни руки...

Жизненная сила руки между тем возрастала. Рука скрючила сухие пальцы... Попробовала на них подняться... Поднялась... Несколько колеблющихся неверных движений. Затем послышалось шуршание бумаги и рука поползла по столу...

Ужас сковал меня на несколько минут, да именно ужас и вместе с тем какое-то безотчетное брезгливое чувство овладевало мною. Ужасный, мерзкий паук полз по столу...

— Останови ее!.. Спрячь в ящик... — задыхаясь, прошептал я.

Арнольд поднялся. В этот момент рука сделала неверное движение и, сорвавшись, упала на пол.

Через секунду она уже ползла по полу... Сухие крашеные ногти шуршали по паркету... Она двигалась все быстрее и быстрее... Силы ее, видимо, все росли. Она стала делать прыжки...

Посреди комнаты лежал с посиневшим, перекошенным лицом труп его хозяина...

Сперва едва отделяясь от паркета, потом все выше и выше... Ужасное явление!..

Безумными глазами смотрел Роберт на эту гадину, вызванную к жизни его гением. Он стоял молча, не спуская с нее глаз... Вместо дыхания из его груди вырывался какой-то хрип... Мы молчали.

Вдруг рука стала направляться к Дойлю. Он невольно подался назад... Неровными прыжками, сухо стуча ногтями по паркету, рука мумии приближалась к нему. С перекошенным от ужаса лицом, с дико-горящими глазами он все отступал. Прошло несколько

мгновений... вдруг Роберт вскрикнул не своим голосом и захохотал... Боже, что это был за хохот... Роберт несомненно сошел с ума, мне казалось, что я тоже начинаю сам терять рассудок. Роберт внезапно покачнулся, сделал движение вперед к этой ужасной руке... протянул свои руки... Бутылка с таинственной зеленой жидкостью упала на пол и разбилась... Нет слов человеческих передать состояние моей души... Рука мумии подпрыгнула, вцепилась в сюртук Дойля... Он снова захохотал. Рука судорожно впилась в плечо...

Момент — и тонкие сухие пальцы кисти с силой сдавили горло Роберта. Его

лицо помертвело... Глаза вылезли из орбит... Страшный хрип... Из открытого рта высунулся распухший язык... Роберт беспомощно взмахнул руками и тяжело грохнулся на пол...

Рука не отпускала его шеи, она продолжала сжимать эту шею с какой-то, казалось, безумной злобой...

Но вдруг пальцы разжались, рука стала медленно сползать с трупа Роберта... бездыханного тела, лежавшего передо мной... Рука сползла... замерла на минуту и вдруг, подскакивая, ринулась на меня...

Я испустил нечеловеческий крик... и, с силой отчаяния упершись в несогнутый шкаф, опрокинул его. Раз-

дался страшный грохот... Мне казалось, что что-то хрустнуло...

Я еще раз вскрикнул и как будто потерял на мгновение сознание...

Я не помню, когда я позвонил.

Остальное вы знаете господа.

.....
Доктор покачнулся. Его поддержали и усадили в кресло.

Судьи многозначительно переглянулись и устремили взоры на эксперта.

.....
Доктор через неделю скончался от нервной горячки в психиатрической больнице, куда его отправили по постановлению суда.

КОРКА ОТ МАНДАРИНА.

Рассказ—задача.

Е. Т.

План был прост, смел и ясен. Но...

Но никто не мог предвидеть, что рассыльный Митя бросит корку от мандарина на лестнице конторы «Короткин и Комп.».

Но по порядку.

Кузнецову нужны были деньги чтобы есть, пить, веселиться, вообще — жить. Работать? Брать на дом и корпеть над ней ночами? Разве на заработок можно жить? А служба в качестве кассира не могла дать Кузнецову столько, сколько ему было необходимо, чтобы вести мало-мальски приличный образ жизни. И притом искушение: видеть каждую минуту деньги, большие деньги, трогать эти шелестящие конденсаторы человеческого счастья, и знать, что они чужие, что никогда у тебя в руках не будет столько твоих денег — разве это не мука?

Другие жили прекрасно: продавали, покупали, перепродавали, получали гигантские куртажи, делали своим женам умопомрачительные туалеты...

Нужно было изыскать какой-то верный способ разбогатеть. Сразу получить в руки сумму, которая позволила бы жить, не думая о завтрашнем дне.

И случай сам давался в руки. Фирме, в которой Кузнецов работал в качестве помощника управляющего, предстояло утром получить 500.000 р. от покупателя и в тот же день уплатить эти деньги фабрике за работу.

В то же время (это было в августе 1920 г.) пятьсот тысяч были громадные деньги. На них можно было прожить лет пять, если даже не начиная своего дела, просто положить их в солидную банкирскую контору и получать проценты. Можно было... о, многое было бы возможно для Кузнецова,

получи он эти деньги. Даже не все, половину...

И план был таков: полученные утром деньги он должен был выдать в 2 часа уполномоченному треста. В таких случаях уполномоченный, — а они постоянно менялись, — предъявлял доверенность и ему выдавались деньги.

Найти маленькую типографию, отпечатать бланки треста на быстрой ротационной машине, разбить стереотип, — было делом двух часов. Заполнив бланк доверенности, Кузнецов задумался-было как воспроизвести печать и подписи. Подписи дело пустое: подписать «за» может всякий. «Подпись неразборчива» — и все. С печатью пришлось поступить сложнее: взяв старую доверенность с печатью, он намазал старый оттиск печати салом, от чего краска выступила яснее, и приложил поддельную доверенность к старой. Печать дала оттиск, правда, несколько бледный.

С этой доверенностью брат Кузнецова, только-что приехавший из Екатеринодара и тоже нуждающийся, должен был явиться к нему и получить деньги. Вот и все.

И если бы не корка мандарина...

Позднее августовское солнце лило потоки света в широкие окна конторы. Люди шли по улице, нежась в последних лучах солнца, некоторые спешили, другие, лениво прогуливаясь, заглядывали в окна конторы. А в конторе кипела работа: стучали машинки, шелкали счета, уходили и приходили агенты и заказчики. Телефон непрерывно трещал, и сам владелец фирмы Махотин, в расстегнутом жилете, обливаясь потом, кричал в трубку свои распоряжения биржевому макле-

ру, сколько чего купить и какую валюту держать.

Кузнецов нервничал: поминутно смотрел на часы и утирал лоб. Как и было условлено, в 2 часа артельщик принес деньги и сдал в кассу пятьсот тысяч новенькими хрустящими сторублевками. И теперь эти пачки, такие близкие и нужные, лежали в железном шкафу и дразнили воображение Кузнецова силой скрытых в них огромных возможностей.

Часы пробили половину четвертого. Брата не было. Что случилось? Может быть, не достал автомобиля? Нет, владелец гаража обещал подать лучшую машину в 3 к Страстному монастырю, а оттуда до Мясницкой, где была контора, езды минут 15 — 20, не больше. Ну, предположим, машина не пришла. Так что-же? Можно было приехать на трамвае и, взяв мотор на Лубянке, велеть ждать у конторы.

А, вот и он... наконец-то. Какой молодец. Лицо холодное, каменное, тон сухой, деловой. Говорит громко, нарочно, чтобы все слышали:

— Могу я получить деньги? Я уполномоченный треста.

— Ваша доверенность? — внутренне ликуя, спросил Кузнецов.

— Пожалуйста.

— Пальцы прыгали, разворачивая упрямые складки бумаги.

— Распишитесь. Вот здесь.

Звякнул стальной замок. Шкаф открыл свою железную пасть.

— Пересчитайте.

— Не стоит, — небрежно сказал «уполномоченный» и, запихнув деньги в сразу распухший бумажник, кивнул кассиру, машинисткам и вышел.

— Каков гусь, — заметил Кузнецов, утирая обильно выступивший пот, — даже не пересчитал. Шикарный народ эти уполномоченные трестов.

— Д-да, — согласился один из счетоводов, — взял и не поморщился, точно свое жалованье получил.

— А что-же, — глубокомысленно заметил старый бухгалтер, — они получают хорошие деньги...

И вдруг до них с лестницы донесся дикий вопль, шум падения человеческого тела и долгий, протяжный стон.

Все бросились на площадку: на лестнице первого этажа лежало распростертое тело «уполномоченного». Несчастный пролетел две лестницы, поскользнувшись о мандариновую корку, брошенную мальчиком-посыльным Митей.

Разбитого, стонущего человека перенесли в контору. Сам Махонин позвонил доктору, барышни-машинистки прикладывали компрессы и прыскали водой на беднягу. Кузнецов чуть волосы не рвал от отчаяния. Вдруг блестящая мысль пришла ему в голову.

— Я отвезу его в больницу, господа, — сказал он.

— Лучше позвонить в трест, — посоветовал бухгалтер.

— Нет, нет, в больницу раньше всего... — заволновался Кузнецов. — Помогите мне внести его на извозчика.

Действительно, это был самый разумный выход и пара дюжих сторожей уже приблизилась к больному, чтобы поднять его, когда к Кузнецову протискался какой-то серенький человек, только-что вошедший в контору.

— Вы кассир? — спросил он.

— Да. А что? Мне некогда, вы видите.

— Мне надо получить деньги.

— Потом, потом, вы видите, у нас несчастье...

— Но я не могу ждать. Я должен везти деньги на фабрику...

— На фабрику?..

— Да, я представитель треста. Вот моя доверенность...

.....
Если бы посыльный Митя не бросил корку от мандарина на лестнице, Кузнецов не сидел-бы в тюрьме, а его брат не остался бы на всю жизнь калекой.

Читателям предлагается указать нелогичности и неправильности, допущенные умышленно автором в рассказе.

